№ 42. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 20 Октября 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ. Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Невидимое око или гостиница трехъ повѣшенныхъ.

Разсказъ Эркмана-Шатріана.

Пер. г-жи Минутъ.

(*Окончаніе.*)

Глава II.

Въ моемъ уединеніи всѣ эти событія представлялись мнѣ съ ужасающей ясностью.

«Старуха, говорилъ я самъ себѣ, причиной всему. Одна она задумала эти преступленія, она ихъ и совершила; но какимъ образомъ? Прибѣгла-ли она къ своей хитрости или къ участію невидимыхъ силъ?»

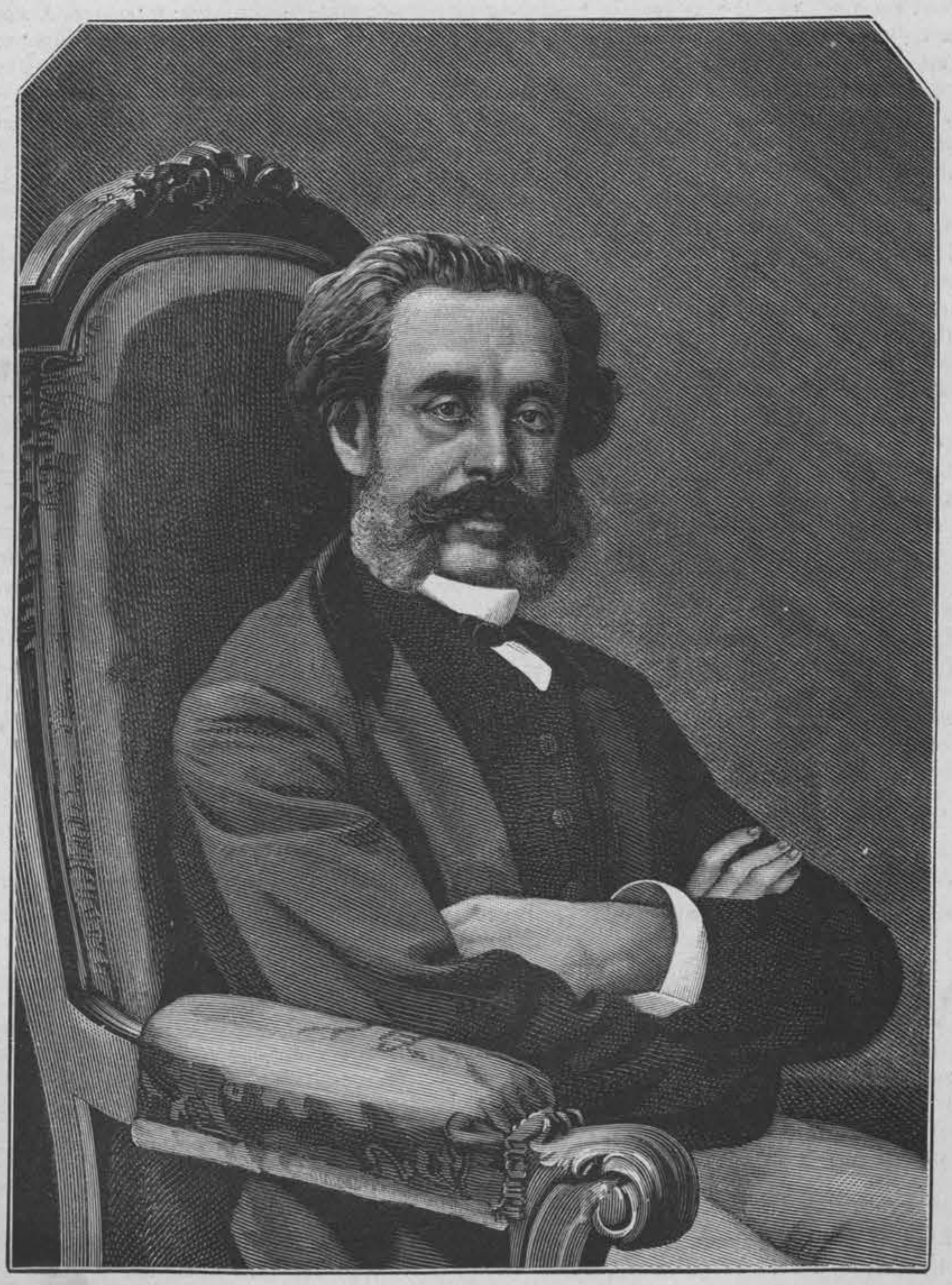
Я шагалъ по своей норѣ, внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «Недаромъ небо допустило тебя увидѣть Нетопыря, когда она наблюдала агонію своей жертвы, не напрасно пробудила тебя душа бѣднаго молодого человѣка, подъ видомъ ночной бабочки, да это недаромъ! Христіанъ, небо даетъ тебѣ ужасное назначеніе. Если ты его не выполнишь, берегись, ты самъ попадешь въ сѣти старухи. Можетъ быть, въ это самое мгновеніе она готовитъ свои тенета?» Втеченіи нѣсколькихъ дней эти ужасные образы не давали мнѣ покоя; я не могъ спать; не могъ ничѣмъ заниматься; кисть валилась у меня изъ рукъ и, страшно выговорить, я нѣсколько разъ съ любознательностью осматривалъ знаменитую перекладину. Наконецъ, я не выдержалъ: однажды вечеромъ я проворно спустился съ лѣстницы и притаился у дверей Нетопыря, чтобы узнать эту гибельную тайну.

Съ той поры не проходило дня, чтобы я ни слѣдилъ за старухой, не теряя ее изъ вида; но она была такъ хитра, у нея было такое тонкое чутье, что, не поворачивая головы, она угадывала мое присутствіе и знала, что я иду по ея слѣдамъ. Она, однако, дѣлала видъ, что не примѣчаетъ меня; она ходила на рынокъ и въ мясную лавку, какъ всякая другая; только иногда она ускоряла шагъ и бормотала что-то про себя. Къ концу мѣсяца, я увидѣлъ, что не достигну цѣли такими путями, и это сознаніе повергло меня въ невыразимую печаль.

«Что дѣлать, думалъ я. Старуха угадываетъ мои планы, она на сторожѣ, все мнѣ измѣняетъ, все! О, старая злодѣйка! Ты ужь льстишься надеждой видѣть меня тоже болтающимся на веревкѣ». Поминутно задавалъ я себѣ вопросъ: что дѣлать, что дѣлать? Наконецъ, мой умъ внезапно озарила свѣтлая мысль.

Моя комнатка возвышалась надъ домомъ Нетопыря, но съ этой стороны не было слухового окна. Я потихоньку раздвинулъ доски и какъ описать мою радость, когда я увидѣлъ всю старую лачугу — какъ на ладони. Наконецъ-то, ты у меня въ рукахъ, ужь тутъ ничто не ускользнетъ отъ меня, отсюда я все увижу: и какъ ты

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ.



Монигетти.

Рисовалъ Н. Малышевъ, рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

придешь и какъ уйдешь, всѣ привычки куницы въ ея берлогѣ! Ты не будешь знать объ этомъ невидимомъ глазѣ, который узритъ преступленіе въ самомъ его зародышѣ. О правосудіе! ты идешь медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ!

Видъ, открывшійся предо мной, не представлялъ ничего зловѣщаго: большой дворъ, выложенный плитнякомъ, въ одномъ углу колодезь, вода въ немъ стояла неподвижно, лѣстница, въ глубинѣ галерея съ деревянными перилами, на рѣшеткѣ старое бѣлье и наволока отъ матраца; въ первомъ этажѣ на лѣво была кухня, на-право высокія окна выходили на улицу, нѣсколько горшковъ съ засохшими цвѣтами; все было мрачно, сыро и въ трещинахъ. Солнце изрѣдка заглядывало въ эту помойную яму; большую часть времени все было въ тѣни: свѣтъ выдѣлялся зигзагами на старыхъ стѣнахъ, на источенномъ червями балконѣ, на тусклыхъ стеклахъ. Золотые лучи разрѣзали столбы пыли. Да, это точно было гнѣздо Нетопыря; ей тамъ было, должно быть, по себѣ.

Я не кончилъ моихъ размышленій, какъ вошла старуха. Она возвратилась съ рынка. Я слышалъ, какъ заскрипѣла старая дверь. Старуха принесла корзину; она, казалось, очень устала и едва переводила дыханіе. Оборки ея чепца съѣхали на носъ; держась за перила, она поднялась по лѣстницѣ. Былъ удушливый зной, былъ именно одинъ изъ тѣхъ дней, когда всѣ насѣкомые, кузнечики, пауки, комары забиваются во всѣ дупла и сверла. Нетопырь медленно перешла галерею, какъ хорекъ въ своей норѣ. Она пробыла съ четверть часа въ кухнѣ, потомъ пришла развѣсить бѣлье и подмела ступени, на которыхъ валялась солома. Наконецъ, она подняла голову и принялась осматривать своими блуждающими, зелеными глазами крыши окрестныхъ домовъ. По какому-то странному инстинкту она подозрѣвала, что не все ладно? Я не знаю, но я сплотилъ доски и отказался на сегодня слѣдить за ней. На другой день Нетопырь, казалось, успокоилась! Полоса свѣта прорѣзала галерею. Проходя, старуха поймала муху и нѣжно посадила ее въ паутину, раскинутую подъ крышей. Паукъ былъ такъ великъ, что, не смотря на разстояніе, я видѣлъ, какъ онъ пробрался по паутинѣ, схватилъ добычу почти изъ рукъ старухи и быстро поднялся. Старуха внимательно наблюдала за нимъ, ея глаза полузакрылись, она чихнула и проговорила сама себѣ очень живо и весело: «будь здорова, красавица, будь здорова!»

Впродолженіи шести недѣль я не могъ ничего открыть относительно могущества Нетопыря, она чистила картофель, сидя подъ навѣсомъ или развѣшивала бѣлье на перилахъ. Я видѣлъ, какъ иногда она вязала, но никогда при этомъ не пѣла, какъ обыкновенно это дѣлаютъ другія старушки и ихъ дрожащій голосъ сливается съ жужжаніемъ самопрялки. Вокругъ нея царствовала тишина. У нея не было даже кошки, любимой собесѣдницы старыхъ женщинъ; ни одинъ воробушекъ не прилеталъ посидѣть на ея деревцахъ; голуби, пролетая надъ ея дворомъ, казалось, съ особеннымъ стараніемъ распускали крылья. Какъ будто бы все боялось ея взгляда. Одинъ паукъ наслаждался ея сообществомъ. Я не подозрѣвалъ въ себѣ такого терпѣнія во все время моихъ наблюденій; ничто не избѣгало моего вниманія, я ни къ чему не относился равнодушно; при малѣйшемъ шумѣ я раздвигалъ доски: то было безграничное любопытство, движимое страхомъ.

Тубакъ сердился.

— Христіанъ, ворчалъ онъ, за коимъ чортомъ вы проводите свое время? Когда-то вы мнѣ продавали что-нибудь каждую недѣлю, а теперь едва разъ въ мѣсяцъ. Охъ, ужь эти артисты! Недаромъ говорятъ: лѣнивъ, какъ артистъ! только у нихъ заведется какой-нибудь грошъ, сейчасъ и руки сложатъ.

Я самъ терялъ мужество. Я слѣдилъ, наблюдалъ и не открылъ ничего необыкновеннаго. Я ужь началъ увѣрять себя, что старуха совсѣмъ не была такъ страшна, что я, можетъ быть, напрасно ее подозрѣваю; словомъ, я старался оправдать ее, но однажды вечеромъ, когда я по обыкновенію глядѣлъ на дворъ старухи и предавался благодушнымъ размышленіямъ, сцена быстро измѣнилась. Нетопырь съ быстротой молніи пробѣжала по галереѣ, она на себя не походила; ея станъ выпрямился, челюсти были крѣпко сжаты, взоръ неподвиженъ и шея вытянута, сѣдые волосы развѣвались по плечамъ!

«Ого, подумалось мнѣ, что то есть, вниманіе!» Но уже смеркалось, городской шумъ замолкъ, настала тишина.

Я растянулся на моемъ ложѣ, какъ вдругъ, взглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что окна противуположнаго дома освѣщены: въ комнатѣ повѣшенныхъ былъ путешественникъ. Тогда возникли вновь всѣ мои опасенія; волненіе Нетопыря объяснились, она почуяла жертву!

Я не могъ спать всю ночь. Шелестъ соломы, шмыганье мыши подъ поломъ, все бросало меня въ дрожь. Я всталъ, примостился къ окну и сталъ смотрѣть. Свѣтъ напротивъ погасъ. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ мучительной тоски, полумечтательной, полудѣйствительной, мнѣ показалось, что старая мегера тоже глядѣла и прислушивалась.

Ночь прошла, разсвѣтало; мало по малу начиналось движеніе въ городѣ.

Измученный отъ усталости и волненія я кончилъ тѣмъ, что заснулъ, но сонъ мой былъ коротокъ; съ восьми часовъ я занялъ свой наблюдательный постъ.

Повидимому, ночь Нетопыря была тревожна не менѣе моей; когда она отворила дверь на галерею, синеватая блѣдность покрывала ея щеки, затылокъ съежился. Она была въ одной рубашкѣ и въ шерстяной юбкѣ, пряди сѣдыхъ волосъ падали по плечамъ. Она задумчиво смотрѣла въ мою сторону, но ничего не видала, она думала о другомъ. Потомъ она сошла, оставивъ на верху лѣстницы свои башмаки, она вѣрно пошла увѣриться, что нижняя дверь хорошо заперта. Я видѣлъ, какъ она проворно всходила по лѣстницѣ, шагая заразъ черезъ четыре ступени, все это было ужасно! Она бросилась въ сосѣднюю комнату, мнѣ послышался шумъ, какъ бы упала крышка сундука. На галереѣ появилась старуха, влача за собой какое-то чучело, и чучело это было обернуто въ платье гейдельбергскаго студента! Старуха съ удивительнымъ проворствомъ повѣсила это отвратительное пугало на перекладину сарая, потомъ сошла на дворъ, чтобы оттуда посмотрѣть на него. Изъ ея груди вырвался отрывистый смѣхъ; она взошла, потомъ сошла опять, какъ сумасшедшая, и каждый разъ слышались взрывы смѣха. За дверьми послышался шумъ. Старуха вздрогнула, сняла чучело, унесла его и, возвратясь, наклонилась черезъ рѣшетку, прислушиваясь, вытянувъ шею и сверкая глазами; шумъ затихъ! Ея лицо прояснилось, она глубоко вздохнула: мимо проѣхала карета!

Это-то и испугало старуху! Она снова вошла въ комнату и я слышалъ, какъ сундукъ опять раскрывался.

Эта странная сцена сбила меня съ толку; что означало это чучело? Я насторожился пуще прежняго. Нетопырь появилась съ корзинкой, я слѣдилъ за ней до поворота улицы; она снова приняла старческую походку, едва двигая ногами, слегка поворачивая голову и украдкой поглядывая по сторонамъ.

Она была въ отсутствіи добрыхъ пять часовъ; я уходилъ, и возвращался, и размышлялъ: время тянулось невыносимо долго, солнце нагрѣло доски моей каморки и жгло мнѣ мозгъ. Я увидѣлъ того человѣка, который занималъ комнату повѣшеннаго, онъ сидѣлъ у окна. Это былъ крестьянинъ изъ Шварцвальда, въ большой треуголкѣ, въ яркомъ жилетѣ, съ смѣющимся и открытымъ лицомъ. Онъ спокойно покуривалъ свою ульмскую трубочку, ни о чемъ не заботясь. Мнѣ хотѣлось ему крикнуть: «Добрый человѣкъ, берегись, не поддавайся старухинымъ чарамъ, берегись!» Но онъ бы не понялъ меня!

Около двухъ часовъ воротилась старуха. Я слышалъ, какъ хлопнула дверь. Она пришла одна и сѣла во дворѣ на нижнюю ступеньку лѣстницы. Она поставила передъ собой свою корзину, сперва вынула оттуда пучокъ зелени и овощей; потомъ красный жилетъ, сложенную треуголку, черную бархатную куртку, плюшевые штаны, пару толстыхъ шерстяныхъ чулокъ, словомъ, полный костюмъ крестьянина изъ Шварцвальда!

Я былъ пораженъ, у меня потемнѣло въ глазахъ. Я припомнилъ бездну опасностей, которыя влекли съ неотразимой силой; напримѣръ, колодцы, которые приходилось засыпать, потому-что въ нихъ бросались; деревья, которыя срубали, потому-что на нихъ вѣшались; повальную цѣпь самоубійствъ, самыхъ дерзкихъ кражъ, это странное увлеченіе примѣромъ, которое возбуждаетъ зѣвоту, когда зѣваетъ другой, страдать при видѣ чужихъ страданій, лишать себя жизни... мои волосы встали дыбомъ отъ ужаса!

Какимъ образомъ старуха, это жалкое созданіе, угадала такой глубокій законъ природы? Какими путями пользовалась она для удовлетворенія своихъ кровожадныхъ инстинктовъ?

Вотъ чего я не могъ понять; но, не размышляя больше объ этой тайнѣ, я тотчасъ рѣшилъ направить на нее роковое предопредѣленіе и поймать старуху въ ея же ловушку: невинныя жертвы вопіяли о мщеніи!

Я вышелъ изъ дому и обошелъ всѣхъ торговцевъ старымъ платьемъ и вечеромъ явился въ гостинницу съ огромнымъ узломъ въ рукахъ. Никель Шмитъ былъ мнѣ давно знакомъ. Я писалъ портретъ его жены, толстой, но еще привлекательной кумушки.

— А, господинъ Христіанъ, вскричалъ онъ, пожимая мнѣ руку, — какой счастливый случай привелъ васъ сюда? что мнѣ доставляетъ удовольствіе васъ видѣть?

— Любезный Шмитъ, я имѣю горячее желаніе переночевать въ этой комнатѣ.

Мы стояли на порогѣ и я ему указывалъ на зеленую комнату. Добрый человѣкъ глядѣлъ на меня съ вызывающимъ видомъ.

— О, не бойтесь, сказалъ я, не имѣю желанія повѣситься.

— Ну, слава Богу, истинно говорю вамъ, мнѣ васъ жалко. Такой достойный молодой человѣкъ. А когда вамъ требуется комната, господинъ Христіанъ?

— Сегодня вечеромъ.

— Невозможно, она занята.

— Вы можете занять ее тотчасъ, послышался за нами голосъ, я вамъ ее уступаю.

Мы съ удивленіемъ обернулись. То былъ крестьянинъ, съ шляпой на затылкѣ и съ котомкой за плечами. Онъ только-что услышалъ о повѣсившихся и дрожалъ отъ гнѣва.

— Хороши у васъ комнаты! кричалъ онъ заикаясь,—но это грѣхъ отдавать такую комнату честнымъ людямъ, это смертоубійство, васъ за это стоитъ сослать на галеры!

— Успокойтесь, пожалуйста, сказалъ трактирщикъ, все это не помѣшало вамъ покойно спать.

— По счастью, я не забылъ помолиться, ложась спать, не сдѣлай я этого, что бы теперь со мной было, что?

Онъ удалился, воздѣвая руки къ небу.

— Ну, вотъ, сказалъ мнѣ Шмитъ, оторопѣвъ, —комната и свободна, но вы не сыграйте со мной какой-нибудь штуки.

— Мнѣ будетъ хуже, чѣмъ вамъ, любезный другъ.

Я отдалъ свой узелъ служанкѣ, а пока подсѣлъ къ другимъ, чтобы выпить чего-нибудь. Уже давно я не чувствовалъ себя такъ покойно и счастливо. Послѣ столькихъ тревогъ я приближался къ цѣли; горизонтъ прояснился и кромѣ того меня поддерживала какая-то тайная сила. Я закурилъ трубку и, облокотясь на столъ и потягивая изъ своей чарки, слушалъ хоръ изъ Фрейшютца, который пѣли цыгане изъ Шварцвальда. Труба, охотничій рожокъ, гобой поочередно навѣвали на меня мечтательность и когда я, время отъ времени, посматривалъ на часы, я серьезно спрашивалъ себя, не было-ли все это сномъ. Но когда дозорный пришелъ просить насъ оставить залу, въ моей душѣ возникли другія думы и я задумчиво шелъ за Шарлотой, которая мнѣ указывала дорогу со свѣчей въ рукѣ.

Глава III.

Мы поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ. Служанка отдала мнѣ свѣчку и указала дверь.

— Вотъ тутъ, сказала она, торопясь сойдти.

Я отворилъ дверь. Зеленая комната ничѣмъ не отличалась отъ другихъ комнатъ гостинницы, потолокъ былъ низокъ, постель высока. Однимъ взглядомъ я осмотрѣлъ внутренность комнаты, потомъ подошелъ къ окну. У Нетопыря все было спокойно, лишь въ глубинѣ одной комнаты свѣтился огонекъ, должно быть, ночникъ.

— Чудесно, подумалъ я, задергивая занавѣсъ, у меня есть еще время. Я развязалъ свой узелъ, надѣлъ чепецъ съ брызжами и, вооружившись кистью, всталъ передъ зеркаломъ, чтобы навести морщины. Это занятіе взяло съ часъ времени. Но когда я надѣлъ платье и платокъ, я испугался самъ себя. Казалось, сама старуха глядѣла на меня изъ зеркала. Въ это время сторожъ прокричалъ одиннадцать часовъ.

Я поскорѣй выставилъ чучело, которое я принесъ съ собой, я его закуталъ такъ же, какъ это дѣлала старая карга и отдернулъ занавѣсъ.

По истинѣ, послѣ всего, что я видѣлъ наканунѣ: ея адскую хитрость, осторожность, ловкость, ничто не могло меня поразить, однако, я труснлъ. Огонекъ, который я примѣтилъ въ глубинѣ комнаты, этотъ неподвижный огонекъ освѣщалъ своимъ красноватымъ свѣтомъ чучело, изображавшее уѣхавшаго крестьянина, чучело, положенное на кровать, съ поникшей головой, съ надвинутой на лицо шляпой, съ вытянутыми руками, казавшееся призракомъ отчаянія.

Тѣни, распредѣленныя съ дьявольскимъ искусствомъ, позволяли видѣть только общія черты, изъ мрака выдѣлялись только красный жилетъ да пуговицы; но тишина ночи, неподвижность лежащаго предмета, его мрачный видъ, все это дѣйствовало на воображеніе зрителя съ небывалой силой. Я хотя и предвидѣлъ это, но, признаюсь, меня подралъ морозъ по кожѣ.

Что же бы было съ бѣднымъ мужикомъ, захваченнымъ врасплохъ? Онъ бы былъ окончательно сраженъ; онъ бы утратилъ свою свободную волю, а духъ подражанія докончилъ бы остальное. Лишь только я дотронулся до занавѣси, какъ увидѣлъ старуху, стерегущую за своимъ окномъ.

Она не могла меня видѣть. Я потихоньку прiотворилъ окно; окно, напротивъ, тоже открылось! потомъ чучело какъ бы поднялось и медленно приближалось ко мнѣ; я тоже приблизился и, схвативъ одной рукой свѣчку, другой быстро открылъ настежь окно; мы были со старухой лицомъ къ лицу. Изумленная, она выронила свой манекенъ.

Наши взгляды встрѣтились съ одинаковымъ ужасомъ.

Она протянула палецъ и я тоже протянулъ; она шевелила губами и я точно также; она глубоко вздохнула и уперлась локтями и я сдѣлалъ тоже. Я не могу описать, до чего ужасна была эта сцена. Это было какое-то изступленіе, безуміе! Тутъ была борьба двухъ умовъ, двухъ душъ, изъ которыхъ одна желала уничтожить другую, и въ этой борьбѣ перевѣсъ былъ на моей сторонѣ. Вмѣстѣ со мной боролись жертвы!

И такъ, подражая нѣсколько времени всѣмъ дѣйствіямъ Нетопыря, я выдернулъ у себя изъ подъ юбки веревку и привязалъ къ перекладинѣ. Старуха смотрѣла на меня съ разинутымъ ртомъ. Я провелъ веревкой по шеѣ. Ея дикій взоръ засверкалъ и лицо измѣнилось.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошипѣла она.

Я настаивалъ съ безстрастіемъ палача. Тутъ бѣшенство овладѣло старухой.

— Старая дура! ворчала она, протягивая руки, сжимавшія перекладину.

Я не далъ ей опомниться, загасивъ внезапно свѣчу, я пригнулся, какъ бы желая сдѣлать сильный прыжокъ и, схвативъ чучело, накинулъ ему на шею веревку и сбросилъ въ пространство.

Ужасный крикъ раздался по улицѣ. Потомъ все затихло.

Со лба у меня лилъ потъ. Я долго прислушивался. Спустя четверть часа, я услыхалъ вдали крикъ сторожа: «Нюренбергцы, полночь, полночь!» Теперь прошепталъ я, правосудіе свершилось, три жертвы отомщены. Боже, прости мнѣ!

И такъ, спустя минутъ пять, послѣ окрика сторожа, я примѣтилъ мегеру, привлеченную своимъ изображеніемъ, вылѣзшую въ окно и висящую на перекладинѣ, на веревкѣ. Я видѣлъ еще смертную дрожь, пробѣгавшую по ея тѣлу, а тихая луна, молчаливо поднимаясь надъ крышами, освѣщала ея растрепанную голову своими холодными и блѣдными лучами.

Такъ я видѣлъ бѣднаго юношу, такой же я видѣлъ и Нетопыря. На другой день весь Нюренбергъ узналъ, что летучая мышь повѣсилась. То было послѣднимъ событіемъ въ этомъ родѣ въ улицѣ Минезингеровъ.

Слава Богу!

Стих. Е. Понамарева.

Вотъ «призывъ» кончается,—но залѣ
Гулъ стоитъ надъ шумною толпой:
Кто ликуетъ, кто поникъ въ печали,
Кто на волѣ, кто уходитъ въ строй!

У стѣны, въ сторонкѣ, мужъ съ женою;
«Старички» томятся и молчатъ...
Неужель имъ суждено судьбою
Услыхать отъ сына: «я—солдатъ!»

Ждутъ они,—одна ихъ мысль тревожитъ
И мольба нѣмая горяча:
Чѣмъ родной порадовать ихъ можетъ?
Вотъ онъ, блѣдный, вышелъ отъ врача.

И они къ нему подходятъ кротко:
— «Что, голубчикъ, въ строевые?»—«Нѣтъ».
— «Слава Богу... Почему-жъ?»—«Чахотка»...
Раздается тихо имъ въ отвѣтъ.

Фабричный и народный трудъ *).

Начиная съ Адама Смита, всѣ экономисты англійской школы имѣли передъ глазами преимущественно промышленность большихъ городовъ или фабричныхъ округовъ и ихъ экономическія явленія возводили въ экономическій законъ. Главное вниманіе обращалось на законы производства, что и придало политической экономіи характеръ науки почти исключительно о законахъ производства. Такъ какъ законы эти наблюдались преимущественно на фабричномъ производствѣ, то изученіе ихъ не представляло особенной трудности, а характеръ выводовъ уже съ самаго начала намѣтился съ достаточной опредѣленностью. Сущность вопроса заключалась въ томъ, чтобы узнать, что помогаетъ успѣшности труда и при какихъ условіяхъ трудъ даетъ наибольшіе результаты. Оказалось, что для этого требуется знающій и энергичный работникъ, отдающій всѣ свои силы производству и дѣйствующій съ расчетомъ хорошо организованной и отлично устроенной машины. Политическая экономія видѣла въ рабочемъ исключительно механическую силу и изслѣдовала только тѣ условія, которыя вели къ болѣе успѣшному результату ея дѣйствій. Отъ этого раздѣленію труда было придано необыкновенно большое значеніе, а практика, или точнѣе, фабричное капиталистическое производство, воспользовавшись теоріей, довели свою систему до расчетовъ такой выгодности, что въ той же самой Англіи, гдѣ создалась политическая экономія, правительство должно было наконецъ обратить вниманіе на жалкое положеніе рабочихъ и на эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда. Наряжены были коммиссіи для изслѣдованія положенія рабочихъ, кромѣ правительственныхъ производились еще и частныя изслѣдованія и всѣ они обнаружили такіе ужасы, что предъ изумленными глазами творцевъ экономической науки, никогда не позволявшихъ себѣ даже и тѣни сомнѣнія въ ея повидимому несомнѣнныхъ истинахъ, возникъ внезапно страшный «рабочій вопросъ». Паралельныя изслѣдованія на континентѣ Европы и въ Америкѣ показали, что рабочій вопросъ не есть спеціальное англійское явленіе, а что онъ неизбѣжное слѣдствіе тѣхъ отношеній, которыя создаются капиталистическимъ производствомъ.

Сущность этого производства заключается въ томъ, что съ одной стороны дѣйствуетъ капиталъ, какъ хозяинъ и распорядитель фабрикъ, заводовъ, машинъ и всѣхъ орудій и средствъ производства, сосредоточивающійся въ рукахъ небольшого сравнительно числа денежныхъ людей, а съ другой—стоитъ масса рабочихъ и наемнаго персонала, живущаго заработной платой. Эта заработная плата при той случайности, которая управляетъ рынками и цѣнами, зависящими отъ спроса и предложенія, является величиною весьма капризной. Когда рабочихъ мало, а спросъ на нихъ великъ, рабочая плата поднимается. Когда же рынокъ заваленъ издѣліями, или товаръ не требуется, что тоже зависитъ отъ случайности, то рабочая плата понижается. Пониженіе или повышеніе платы зависитъ, слѣдовательно, отъ той же причины, какъ и повышеніе цѣны издѣлій при законѣ конкуренціи.

Въ задѣльной платѣ конкуренція играетъ такую роль: является для извѣстнаго дѣла нѣсколько рабочихъ и предлагаютъ свои услуги. Задѣльная плата или цѣна, которую они хотѣли бы взять за свой трудъ, зависитъ отъ размѣра ихъ потребностей. Если рабочій привыкъ жить, удовлетворяя болѣе высокимъ потребностямъ, онъ, конечно, захочетъ получить и такую плату, при которой не упалъ бы уровень его потребностей. Если онъ глава семьи, то въ расчетъ войдетъ и содержаніе его жены, дѣтей и расходы на ихъ образованіе. Но такъ какъ рабочихъ явилось больше, чѣмъ ихъ нужно, и средства для удовлетворенія ихъ потребностей могутъ требоваться не одинаковыя, то очевидно, что тотъ, у кого потребностей меньше, согласится работать и за меньшую плату. И вотъ съ той минуту, какъ явилось пониженіе съ какой либо одной стороны, возникнетъ конкуренція на пониженіе. Холостой рабо-

*) См. № 39 Жив. Об.

чій, которому некого содержать, кромѣ себя, принудитъ понизить плату рабочаго семейнаго, положеніе котораго всегда бываетъ болѣе труднымъ и потому онъ гораздо скорѣе согласится на всякія уступки, лишь бы только не заставить бѣдствовать свою семью. Такимъ образомъ конкуренція на рабочую плату падаетъ большею тяжестью всегда на того, кто больше нуждается, и меньшею на того, кто меньше нуждается. Если конкуренція обнаруживается между небольшимъ числомъ рабочихъ, то вредныя послѣдствія пониженія рабочей платы еще не особенно замѣтны. Но когда конкуренція или спросъ на рабочихъ захватываетъ массы рабочихъ—или, какъ случалось не разъ, вслѣдствіе упадка запроса на издѣлія падалъ запросъ на рабочія руки въ такой степени, что приходилось или совсѣмъ прекращать производство, или уменьшать его на половину,—въ такихъ случаяхъ конкуренція вноситъ нищету и раззореніе среди тысячь семействъ, выкидывая ихъ на улицу, какъ лишнія руки.

Вся эта масса лишнихъ рукъ должна ввести сокращеніе въ своихъ расходахъ. Ей придется экономничать или на пищѣ, или на одеждѣ, т. е. сократить такія статьи своего бюджета, которыя менѣе важны. Сокращеніе издержекъ имѣетъ вредное общественное вліяніе въ томъ отношеніи, что понижаетъ уровень потребностей рабочаго; а пониженіе уровня потребностей есть пониженіе уровня требованій. Дурная же сторона пониженія требованій заключается въ томъ, что, разъ рабочему пришлось помѣститься въ худшей квартирѣ, ѣсть хуже, одѣваться хуже, ему открыта уже дорога всѣхъ привычекъ худшаго уровня. Если въ этихъ привычкахъ воспитается подростающее поколѣніе, то вредное вліяніе пониженія рабочей платы получаетъ весьма серьезное общественное значеніе.

Экономисты, разсуждающіе о рыночной цѣнѣ труда, говорятъ, что трудъ, какъ и всякія другія вещи, продается и покупается и что цѣна на трудъ бываетъ рыночная и естественная. Естественной цѣной они называютъ ту, которая зависитъ отъ потребностей рабочаго, а рыночной ту, которая зависитъ отъ спроса и предложенія. Далѣе экономисты говорятъ, что по мѣрѣ общественнаго развитія естественная цѣна труда стремится къ повышенію и что за всякимъ пониженіемъ рабочей платы является въ производствѣ вслѣдствіе закона спроса и предложенія равновѣсіе. Все это совершенно справедливо, но, къ сожалѣнію, совершается вовсе не такъ скоро. Что значитъ вліяніе общественнаго развитія на повышеніе цѣны труда? Это значитъ, что у рабочаго поднялся уровень потребностей, т. е. онъ сталъ жить лучше и явилось столько привычекъ, въ которыхъ онъ отказать себѣ не можетъ. Напримѣръ, англійскому работнику непремѣнно нужна говядина, непремѣнно нужно пиво, и цѣну своей рабочей платы онъ будетъ соображать съ этими расходными статьями. Но изъ этого не слѣдуетъ, что при конкуренціи и при уменьшеніи спроса на рабочія руки онъ не былъ бы принужденъ отказаться отъ пива, только бы сохранить себѣ говядину, а въ крайнемъ случаѣ и отъ говядины, только бы сохранить себѣ хлѣбъ. Значитъ, вліяніе общественнаго развитія является агентомъ второстепеннымъ, а болѣе вліятельнымъ будетъ зависимость цѣны труда отъ спроса и предложенія. Конечно, равновѣсіе въ спросѣ и предложеніи наконецъ должно установиться и если въ одной отрасли производства явился наплывъ, вслѣдствіе котораго понизилась цѣна труда, то, во-первыхъ, есть минимумъ, ниже котораго уже не можетъ падать естественная цѣна труда, т. е. такія лишенія, которымъ рабочій ни за что не станетъ подчинятся, а, во-вторыхъ, какъ справедливо замѣчаютъ экономисты, съ явившимся равновѣсіемъ снова возстановляется цѣна труда. Но экономисты забыли только, что это равновѣсіе возстановляется вовсе не съ такою быстротою, какая необходима, чтобы рабочій не впалъ наконецъ въ отчаяніе. Положимъ, что въ какой-нибудь отрасли производства оказалась временно не нужна извѣстная часть рабочихъ. Они понизятъ плату. Понизивъ плату, они сократятъ свои потребности до минимума, а часть рабочихъ останется даже безъ дѣла. Это неестественное состояніе поведетъ къ тому, что рабочіе будутъ искать болѣе выгодныхъ занятій и свершится отливъ рабочихъ рукъ отъ невыгоднаго къ болѣе выгодному дѣлу. Отливъ этотъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока имъ не выравняется по возможности рыночная цѣна труда. Ясно, что фабрикантъ для удержанія уходящихъ рабочихъ принужденъ будетъ поднять плату за трудъ, но прежде, чѣмъ это сдѣлается, пройдетъ очень много времени и слѣдовательно ясно, что рабочій только путемъ очень существенныхъ лишеній и вовсе не такъ скоро будетъ въ состояніи возстановить равновѣсіе. При системѣ капиталистическаго производства и при законѣ спроса и предложенія, который вводитъ конкуренцію у капиталистовъ между капиталистами, у рабочихъ между рабочими и у капиталистовъ съ рабочими, иной порядокъ быть и не можетъ. При этой системѣ производства рабочіе образуютъ особенный «классъ» и этотъ особенный классъ населенія стоитъ вѣчно противникомъ противъ другого, болѣе обезпеченнаго «класса» населенія, а антогонизмъ, царящій между этими двумя классами, возводится людьми науки въ неизмѣнный и неустранимый законъ. Изъ возведенія въ неустранимый законъ конкуренціи и борьбы слѣдуетъ заключить, что въ наукѣ, занимавшейся изслѣдованіемъ экономическихъ вопросовъ, или производились ошибочныя наблюденія, или не всѣ факты общественной жизни были взяты во вниманіе, потому что вражда всѣхъ противъ всѣхъ и вѣчный антогонизмъ интересовъ не можетъ служить закономъ, управляющимъ судьбами человѣчества.

И дѣйствительно, всѣ экономическія наблюденія совершались преимущественно въ той области, какую представляли промышленность городовъ и большихъ промышленныхъ фабричныхъ центровъ, и вся экономическая наука создалась изъ наблюденій надъ отношеніями, какія господствуютъ въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ. Потому ее справедливо называютъ наукой капиталистическаго производства. Опредѣляли-ли изслѣдователи вопросъ отношеній труда къ капиталу,—они имѣли передъ глазами только фабричнаго рабочаго и его хозяина. Являлся-ли вопросъ о цѣнѣ труда,—точно также наблюдались отношенія между фабрикантомъ и рабочимъ. Возникалъ-ли вопросъ о рыночной цѣнѣ продуктовъ, — опять наблюдались только мануфактурные рынки. Однимъ словомъ, какой бы ни возникалъ экономическій вопросъ, онъ разрѣшался всегда въ области отношеній, установившихся въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ между тѣми группами населенія, которыя экономическая наука назвала «классомъ» производителей и «классомъ» рабочихъ.

Но въ той громадной лабораторіи, которая обнимаетъ всю область человѣческаго труда, большіе промышленные центры съ ихъ фабричными рабочими составляютъ весьма ничтожную величину. Неоспоримо, что дѣятельность ихъ сообщаетъ грандіозный характеръ міровымъ промышленнымъ отношеніямъ и въ статистикѣ торговли и промышленности на первомъ мѣстѣ красуются цифры, сообщаемыя о производствахъ собственно большихъ центровъ. Но если сравнить данныя, сообщаемыя статистикой городскихъ и фабричныхъ производствъ съ тѣмъ, что производитъ общенародная промышленность и о чемъ ни въ какихъ статистикахъ не говорится, то окажется, что трудъ фабричнаго населенія и фабричныхъ городовъ является ничтожной величиной, сравнительно со всѣмъ вообще трудомъ каждой страны. Возьмемъ хотя русское производство. Въ любой статистикѣ вы найдете, какое количество Россія производитъ золота, серебра, платины, чугуна, желѣза, мѣди, бумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ издѣлій, сахару, шоколаду, водки, пива, но ни одна статистика въ тоже время не скажетъ вамъ, сколько въ Россіи производится лаптей, сапоговъ, кадушекъ, деревянной посуды, сохъ, боронъ, дегтю, смолы, ворвани, колесъ, телѣгъ, предметовъ для крестьянской одежды и т. д. Статистика знаетъ только того цивилизованнаго или интелигентнаго потребителя, на котораго работаютъ фабрики и мануфактуры, и затѣмъ совершенно игнорируетъ потребителя деревенскаго и деревенскаго производителя. А между тѣмъ въ общей экономіи труда деревенскій производитель является не только самой большой по численности величиной, но и самой вліятельной въ общемъ экономическомъ смыслѣ. Современная экономическая статистика также, какъ и политическая экономія, занимается только интересами тѣхъ производствъ, которыя сообщаютъ жизни извѣстную красоту и кладутъ на нее клеймо культурности и прогреса. Что же касается до того труда и потребителя, который образуетъ нижній слой, то онъ обыкновенно въ расчетъ не идетъ ни при опредѣленіи экономическихъ законовъ и отношеній, ни при опредѣленіи общаго хода культурнаго развитія и вліянія на него именно этого слоя. Когда устраиваются промышленныя выставки, то на нихъ свозятся тѣ лучшія издѣлія, которыми промышленность гордится, какъ доказательствами ея успѣховъ. Вы тутъ увидите и высшіе сорты суконъ, бархатовъ, шелковыхъ матерій, бронзы, золота, экипажей, модели замѣчательныхъ сооруженій, но ни одна выставка не предложитъ своимъ посѣтителямъ образчиковъ такихъ мужицкихъ издѣлій, какъ лапти, сапоги, телѣги, дороги, по которымъ ѣздятъ эти телѣги, курныя избы, глиняныя печи. На выставкахъ скотоводства вамъ покажутъ тысячныхъ рысаковъ или скаковыхъ лошадей, но вы не увидите крестьянской заморенной лошади, которая тянетъ допотопную соху. Вамъ покажутъ голландскій и тирольскій скотъ съ богатыхъ фермъ, но скроютъ отъ васъ тощую мужицкую корову А вѣдь этихъ тощихъ коровъ и лошадей миліоны, тогда какъ рысаковъ и голландскихъ быковъ только сотни. Потому что промышленность, выставки и даже экономическія изслѣдованія, когда вопросъ касается успѣховъ націи и ея экономическаго соперничества съ другими народами, устремлялись только въ сторону успѣха, и общественное вниманіе направлялось только въ ту сторону, гдѣ оно видѣло казовый конецъ, а все, что кидало тѣнь на успѣхи развитія, игнорировалось,—явились тѣ неправильные выводы объ общихъ успѣхахъ жизни, которые всѣмъ экономическимъ сужденіямъ придали болѣе или менѣе ошибочный характеръ.

Между тѣмъ въ общей, міровой экономіи, народный трудъ и народныя потребности, или точнѣе, потребности массы, составляютъ основную величину. Экономическая наука занимается изученіемъ законовъ производства не ради производства, а ради изученія условій общаго экономическаго благосостоянія и потому она есть собственно наука объ общемъ экономическомъ благосостояніи, только часть котораго составляютъ законы производства. Благосостояніе народа заключается въ удовлетвореніи имъ своихъ потребностей; потребности же имѣютъ свою послѣдовательность и, слѣдовательно, сначала должны быть удовлетворены первыя нужды, а затѣмъ вторыя, третьи и т. д. Если народонаселеніе не

удовлетворяетъ вполнѣ своей потребности въ пищѣ, т. е. если не всякій, а тѣмъ болѣе большинство націи не имѣетъ здоровой, питательной пищи, а между тѣмъ страна производитъ предметы для удовлетворенія утонченныхъ потребностей, то народъ, очевидно, не пользуется благосостояніемъ и трудъ его распредѣленъ неправильно. Это значитъ, что рабочія руки отвлекаются отъ производства предметовъ первой необходимости къ производству предметовъ, идущихъ на удовлетвореніе менѣе важныхъ нуждъ, и только вслѣдствіе этого въ странѣ появляется меньшее количество предметовъ первой потребности, чѣмъ какое нужно. Вслѣдствіе подобнаго неправильнаго распредѣленія труда можетъ случиться, что рабочія руки будутъ отвлечены преимущественно въ сторону изготовленія предметовъ для удовлетворенія надобностей убыточныхъ потребителей, а потребители выгодные будутъ обойдены производствомъ. Въ подобномъ положеніи находятся восточныя государства, въ которыхъ производство направлено на удовлетвореніе надобностей меньшинства и это меньшинство поражаетъ блескомъ и богатствомъ своей жизни, тогда какъ большинство ходитъ въ отрепьяхъ и фабричная промышленность не дѣлаетъ для него ровно ничего. Хотя менѣе рѣзко, но по этому же восточному типу дѣйствуетъ до сихъ поръ европейская промышленность. Она игнорируетъ деревню и деревенскаго потребителя и знаетъ только потребителя городского и средніе и высшіе классы населенія. Что же касается собственно до надобностей народа, то обезпечиваетъ ихъ не та промышленность, наблюденіями надъ которой занималась политическая экономія. Этой народной промышленности почти никто не наблюдалъ и условія ея существованія почти никому неизвѣстны. Если она подчиняется тѣмъ же законамъ и успѣхи ея зависятъ отъ тѣхъ же качествъ работника, какъ и фабричная промышленность, то насколько удовлетворяютъ условія, въ которыхъ онъ находится,—вопросъ, до сихъ поръ вовсе не обслѣдованный и къ разрѣшенію котораго даже и не приступали. Отъ этого открывается слѣдующее любопытное явленіе. Въ то время, какъ производительность большихъ фабричныхъ центровъ приняла аристократическій характеръ и создаетъ предметы блестящіе для надобностей обезпеченныхъ потребителей, деревенскій житель образуетъ изолированное большинство и совершенно отдѣльный, самостоятельный міръ, живущій внѣ общаго промышленнаго движенія. Всѣ его потребности,—потребности очень ограниченныя и удовлетворяются очень нехитрымъ образомъ самымъ неискустнымъ трудомъ, а нерѣдко и самимъ потребителемъ. Фабрики не изготовляютъ для него ни одежды, ни обуви, потребности въ бронзѣ и фарфорѣ у него нѣтъ и копошится этотъ міръ гдѣ-то внизу, никому невѣдомый, никѣмъ не изслѣдованный, точно для него существуютъ какіе-то особенные экономическіе законы. Выдѣлившись въ особнякъ, онъ создалъ себѣ и особенную промышленность, любопытнымъ представителемъ которой служитъ такъ называемое кустарное производство. Это не есть мелкая промышленность, расчитанная на общія нужды, а спеціальная, народная промышленность, расчитанная на народныя нужды. Нигдѣ въ Европѣ подобное народное производство не достигаетъ такой яркости, какъ у насъ. Оно образовало самостоятельный міръ, живущій самъ въ въ себѣ, независимо отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится промышленность, вѣдающая болѣе развитыя потребности. Наша кустарная промышленность не есть собственно отхожій промыселъ. Отхожій промыселъ есть не больше, какъ промышленное бродяжество, вызванное невозможностью заработковъ на дому, но собственно кустарная промышленность есть въ сущности народно-деревенская промышленность, независимая отъ городской и отъ фабричной производительности, имѣющая своею цѣлью и задачей удовлетвореніе надобностей сельскаго населенія. Работая исключительно для мѣстныхъ нуждъ деревни, кустарная промышленность создала себѣ самостоятельную форму. «Кустари— не случайные работники, кустарный трудъ постояненъ и требуетъ подготовки, онъ представляетъ что-то вродѣ организаціи. Кустарь держится извѣстныхъ пріемовъ, извѣстнаго рынка, извѣстныхъ преданій. У него есть свой, хотя и не писаный, ремесленный, торговый уставъ, имѣющій для него авторитетъ. Масса кустарной работы громадна. Кустари существуютъ сотни тысячъ лѣтъ, производятъ на десятки милліоновъ,—вотъ и все, что о нихъ знаютъ». Характеристика эта сдѣлана въ «Сводѣ матеріаловъ для кустарной промышленности» гг. Мещерскаго и Мадзалевскаго, вышедшемъ, сколько мы помнимъ, въ 1877 или 1878 году. А между тѣмъ экономическая наука, созданная трудами Адама Смита и его послѣдователей, существуетъ какъ стройное, систематическое знаніе болѣе ста лѣтъ. Понятно поэтому нѣсколько, пропускъ такого громаднаго экономическаго явленія, какъ самостоятельное существованіе народной промышленности, живущей по собственнымъ неписаннымъ уставамъ, вѣдающей свои рынки и своихъ потребителей, должно было вліять на неполноту и даже ошибочность существующихъ экономическихъ понятій. У насъ вопросъ о кустарной промышленности въ первый разъ былъ поднятъ въ 1861 году г. Корсакомъ и настолько оказался заслуживающимъ вниманія, что наконецъ была учреждена комиссія для его изслѣдованія и въ настоящее время имѣются уже два выпуска собранныхъ ею матеріаловъ. Когда закончатся вполнѣ труды этой комиссіи, предусмотрѣть, конечно, нельзя, но во всякомъ случаѣ уже размѣръ области ея изслѣдованій указываетъ, насколько важенъ самый предметъ, а слѣдовательно, будутъ важны и заключенія, которыя можно будетъ сдѣлать. Во всякомъ случаѣ ясно, что въ видѣ противупоставленія тому экономическому міру, который изображаетъ собою промышленность городовъ, долженъ явиться вновь открываемый экономическій міръ, точно новая, невѣдомая часть свѣта, наблюденія надъ которой должны внести поправку въ существующія экономическія понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вызвать перемѣну условій, отъ которыхъ зависитъ возможность общаго экономическаго благосостоянія. Мы, современники, живемъ только при началѣ этой работы и если не можемъ предсказать ея конечныхъ выводовъ, то тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что для организаціи труда и для распредѣленія его продуктовъ долженъ будетъ наступить новый порядокъ.

(Къ ст. Невидимое око...) Она чистила картофель, сидя подъ навѣсомъ...

Походъ въ Албанію *).

Наступилъ октябрь. Двухъ-недѣльный срокъ отдыха, данный княземъ войску, приближался къ концу и командиры получили уже предписаніе находиться со своими батальонами въ назначенный день у Даниловограда. Въ это время и въ Цетинѣ шли оживленные толки о будущемъ походѣ, объектомъ котораго являлась для всѣхъ Подгорица. Князь при всякомъ удобномъ случаѣ настойчиво поддерживалъ это мнѣніе, хотя внимательный наблюдатель могъ уловить въ тонѣ его другую, болѣе сокровенную мысль. Дипломатическое чутье Темеля если и не открыло ему истиннаго желанія князя, то во всякомъ случаѣ дало почувствовать, что вокругъ него, представителя Австріи, лавируютъ на всѣ возможные лады. Всѣ попытки его—что либо вывѣдать—оставались тщетны; австрійскій дипломатъ разозлился наконецъ и объявилъ черногорскому князю отъ имени своего правительства два предложенія: 1) снять черногорскій флагъ съ Суторины, которая была занята черногорцами въ прошлую войну и гдѣ теперь находилась ихъ стража и 2) Билекъ не долженъ быть операціоннымъ базисомъ военныхъ дѣйствій.

Предложенія эти были сдѣланы одновременно съ извѣстіемъ, полученнымъ отъ русскаго консула изъ Рагузы о томъ, что турки, собравшись въ Герцеговинѣ и Босніи, въ количествѣ 10,000 чел., идутъ на Дужскій проходъ. Князь отвѣчалъ Темелю сдержанно, но рѣшительно: относительно перваго предложенія, что оно оскорбительно для національнаго самолюбія, а потому принято быть не можетъ; что же касается второго, то его свѣтлость соглашается на него, но подъ условіемъ полной гарантіи австрійскаго правительства въ неприкосновенности територіи, занятой черногорцами (Дуги, Билекъ, Горанскъ) отъ нападенія турокъ.

Австрійскій агентъ отказался принять отвѣтъ князя въ такой редакціи:

— Вы можете облечь мои слова въ какую угодно форму, полковникъ, возразилъ на это князь,—лишь бы сущность оставалась таже.

Темель счелъ однако болѣе выгоднымъ смириться и не настаивать; онъ видѣлъ, что запугиваньемъ теперь ничего не возьмешь.

---

*) Матеріяломъ для составленія настоящаго очерка послужили мнѣ, кромѣ разсказовъ участвовавшихъ въ этомъ походѣ черногорцевъ, еще главнымъ образомъ личныя сообщенія Флигель-адъютанта полковника А. Боголюбова и записки подполковника артилеріи Циклинскаго. *Прим. автора.*

Раздосадованный неудачей, австрійскій дипломатъ напустился съ рѣзкими замѣчаніями на своего помощника, обычнаго козла отпущенія въ такихъ случаяхъ, капитана Зауервальда. Послѣдній оказался виноватымъ въ нерадѣніи, въ упущеніяхъ, въ недостаткѣ вниманія къ тому, что творилось вокругъ и т. п. Муштровка кончилась тѣмъ, что Зауервальдъ, не взирая на проливной дождь, долженъ былъ немедленно ѣхать въ Даниловоградъ и тамъ слѣдить за приготовленіями черногорцевъ.

Еще передъ отъѣздомъ своимъ изъ Орія-Луки въ Цетинье, князь поручилъ Гейслеру и Циклинскому произвести рекогносцировку мѣстности у Подгорицы и Спужа. Оба капитана, подъ непріятельскимъ огнемъ, удачно выполнивъ назначеніе, прислали теперь его свѣтлости снятые ими кроки черезъ Врбицу, поспѣшно уѣхавшаго изъ Даниловограда въ Цетинье,—вслѣдъ за полученнымъ извѣстіемъ о движеніи Хафизъ-паши.

При свиданіи съ княземъ Врбица предложилъ ему свой планъ военныхъ дѣйствій: по мнѣнію воеводы, черногорцы должны были немедленно возобновить дѣла въ Герцеговинѣ, направивъ главныя силы на Колашинъ и только послѣ взятія этого пункта, а также Гусицы и Враньи, округливши черногорскую границу съ юго-восточной стороны, приняться за Подгорицу. Воевода ручался головой за полный успѣхъ похода, опираясь на только что полученное имъ достовѣрное свѣдѣніе о направленіи всѣхъ силъ Хафиза къ Митровицѣ, вызванное движеніемъ русскихъ войскъ на Софію.

Князь, не высказывая своихъ личныхъ соображеній, отвергъ мнѣніе воеводы и поторопилъ его обратной поѣздкой въ Даниловоградъ, куда вскорѣ должны были прибыть орудія для предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Распространившіеся въ Черногоріи слухи о скоромъ выступленіи сербскихъ войскъ на турецкую границу становились между тѣмъ настойчивѣе. Изъ Бѣлграда было получено офиціальное извѣстіе, что все готово къ наступательнымъ дѣйствіямъ и ждутъ только благопріятнаго момента. Пріѣздъ же въ Цетинье генерала Фадѣева съ цѣлью «прозондировать», какъ онъ самъ выражался, черногорцевъ насчетъ совмѣстныхъ ихъ дѣйствій съ Сербіей, содѣйствовалъ еще большей увѣренности въ скоромъ началѣ сербской кампаніи.

Князь назначилъ военное совѣщаніе. Въ опредѣленный день (7 октября) въ княжескій конакъ были приглашены А. Боголюбовъ, А. Іонинъ, Фадѣевъ и Вукотичъ. Секретарь консула долженъ былъ записывать постановленія совѣта. Кромѣ вышеименованныхъ лицъ, никто изъ черногорскихъ воеводъ не присутствовалъ. Результаты совѣщанія должны были храниться въ глубокомъ секретѣ.

Князь открылъ засѣданіе изложеніемъ собственнаго плана, сообщивъ предварительно, что изъ всего войска, которымъ онъ располагаетъ (24 батальона черногорцевъ, 10 батал. герцеговинцевъ, всего 20 тыс. чел.), онъ выставляетъ для совмѣстныхъ операцій съ сербами 6-тысячный корпусъ.

Планъ князя былъ слѣдующій: демонстрація Подгорицы и въ тоже время движеніе на Антивари. Затѣмъ взятіе Подгорицы и движеніе по рѣкѣ Зетѣ, для соединенія съ сербскими войсками на Лимѣ. Необходимые расходы, покрываемые русскимъ правительствомъ, состоятъ въ 3,000 гульденовъ на каждый день, изъ которыхъ 2000 идутъ на жалованье войску, кромѣ того 7 тыс. шинелей, 4 тыс. ружей и 50 километровъ телеграфной проволоки. Въ заключеніе князь высказалъ рѣшительное желаніе подчиняться въ общемъ только русскому начальству, такъ какъ на сербовъ онъ не полагается.

Обсужденіе плана длилось не долго. Нетрудно было замѣтить, что князь кое-что не договариваетъ, да и вообще высказываетъ не все, что у него на умѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ совѣщанія, начались сборы въ походъ князя и его штаба. Княгиня же вмѣстѣ съ дѣтьми уѣхала изъ Цетинье въ Катаро, гдѣ ее ждалъ австрійскій пароходъ для доставленія въ Италію.

Въ это время со стороны непріятеля происходила усиленная дѣятельность по возведенію новыхъ ретраншаментовъ близъ Спужа и Подгорицы. Подъ шумокъ этихъ работъ черногорцы ухитрились отбить большой табунъ лошадей на Веліёрдо. Завязавшаяся по этому случаю перестрѣлка, разгорячивъ черногорцевъ, грозила перейдти въ нешуточное дѣло, если бы только не хлынулъ проливной дождь, нѣсколько охладившій горячихъ бойцовъ и давшій возможность четоводамъ кое-какъ собрать свои разсвирѣпѣвшія сотни и вернуть ихъ обратно на позиціи къ Даниловограду. На другой же день послѣ отбитія табуна турки усилили аванпосты и укрѣпили Веліёрдо еще одной батареей.

Между тѣмъ въ Орія-Луки прибылъ уже князь со штабомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ его свѣтлость приказалъ привести къ себѣ извѣстныхъ лазутчиковъ *) и, надѣливъ ихъ значительнымъ количествомъ золота, отправилъ ихъ въ Подгорицу къ Али-Саибу съ секретными переговорами о сдачѣ города, а самъ въ сопровожденіи свиты произвелъ на виду у непріятеля небольшую рекогносцировку мѣстности возлѣ крѣпости Спужи.

Посланные, возвратившись на другой день, передали князю, что Али-Саибъ категорически отказывается сдать городъ и что съ часу на часъ онъ ожидаетъ большое подкрѣпленіе изъ Антивари. Князь однако этимъ не удовлетворился и, обѣщавъ лазутчикамъ, въ случаѣ успѣха, большіе подарки, отправилъ ихъ снова къ Али-Саибу для конфиденціальныхъ переговоровъ и въ тоже время далъ приказъ Врбицѣ, какъ можно скорѣе укрѣпить гору Зеленикъ, находившуюся на западной сторонѣ Подгорицы. Всѣ эти распоряженія князя дѣлались въ присутствіи полковника Темеля.

Австрійскій агентъ считалъ планъ князя положительно гибельнымъ для черногорцевъ въ виду опасности, грозящей имъ съ тыла отъ турокъ въ Герцеговинѣ. Краснорѣчиво доказывая громадный рискъ предпринятаго похода, Темель старался обратить вниманіе князя на защиту сѣверной окраины, куда, по его убѣжденію, основанному на достовѣрныхъ источникахъ, въ скоромъ времени нахлынутъ до 40 турецкихъ батальоновъ.

— Уроки прошлаго должны быть назидательны, говорилъ онъ въ кругу приближенныхъ князя задушевнымъ тономъ дипломата,—не надо забывать Сулеймана! Сколько дорогихъ жертвъ унесъ онъ! Тоже самое можетъ случиться и теперь, и даже много хуже, если вы не сосредоточите всего вниманія на Дужскій проходъ и Горанскъ. Лучше охранять завоеванное, чѣмъ стремиться къ призрачному съ рискомъ потерять пріобрѣтенное.

Между прочимъ онъ замѣтилъ вскользь, что могущественная рука австрійскаго императора, помѣшавшая въ то время Сулейману хозяйничать въ Черногоріи, врядъ-ли теперь протянется съ такою же готовностью, если черногорцы будутъ игнорировать благоразумные совѣты представителя Австріи **). Однако оказалось, что фонтанъ краснорѣчія полковника Темеля оросилъ безплодную почву, всѣ увѣренія его оставались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Подъ личнымъ наблюденіемъ князя была произведена провѣрочная стрѣльба изъ 18-ти орудій; при чемъ въ 10 изъ нихъ обнаружились какіе-то недостатки; ихъ тотчасъ же отправили для починки въ Рыку. Остальными же князь приказалъ вооружить батареи на позиціяхъ у Спужа и Подгорицы. Проба орудій обошлась не безъ несчастія. Одного черногорца убило на повалъ, вслѣдствіе плохо вдвинутаго запора въ казенной части орудія. Пильгуновъ по этому поводу съ сожалѣніемъ замѣчаетъ: «Стрѣльба была самая плохая, да къ тому же черногорцы не могутъ съ ними (т. е. съ орудіями) обращаться и сожгли одного артилериста».

Въ тотъ же день ночью князь секретно отъ Темеля пригласилъ къ себѣ Боголюбова и нѣкорыхъ другихъ. Его свѣтлость сообщилъ имъ, что прежній планъ военныхъ дѣйствій онъ видоизмѣнилъ. Цѣль его заключается теперь въ завоеваніи Антивари. Первымъ шагомъ къ достиженію этого служитъ взятіе форта Суторманъ, составлявшаго ключъ укрѣпленій, расположенныхъ кругомъ Антивари. Для успѣшнаго выполненія этой задачи необходимо было, по мнѣнію князя, произвести одновременно: демонстрацію Подгорицы съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля и быстрое движеніе артилеріи съ прикрытіемъ на Суторманъ, возможное только водою изъ Рыки на Виръ-Базаръ.

Удача послѣдняго движенія обусловливалась отвлеченіемъ вниманія непріятеля и австрійскаго агента на демонстрацію Подгорицы и Спужа. Въ противномъ случаѣ, еслибы непріятель провѣдалъ о задуманномъ планѣ, онъ, конечно, немедленно потребуетъ изъ Антивари подкрѣпленія и тогда дѣло не только усложнится, но сдѣлается крайне затруднительнымъ. Чтобы обмануть бдительность непріятеля, князь предписалъ рядъ мѣръ: переговоры съ лазутчиками, подкупленными въ свою очередь Али-Саибомъ, дали возможность убѣдить ихъ, въ томъ числѣ и австрійскаго агента, въ томъ, что всѣ дѣйствія черногорцевъ клонятся къ осадѣ и бомбардировкѣ Спужа и Подгорицы; приготовленія черногорцевъ, происходившія на глазахъ непріятеля, еще болѣе утверждали въ этомъ мнѣніи. Проба орудій подъ благовиднымъ предлогомъ починки дала возможность доставить необходимое число пушекъ въ Рыку, т. е. именно къ пункту отправки въ Виръ-Базаръ. Затѣмъ князь сообщилъ, что имъ еще раньше сдѣлано было тайное распоряженіе привести въ извѣстность наличное количество имѣвшихся въ Рыкѣ челноковъ, лодокъ, дощаниковъ. Въ настоящее время все это, числомъ 60, состояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Оставалось только назначить день и время отправленія черногорской эскадры. Князь остановился на пятницѣ 27 октября. Въ ночь, слѣдующую за этимъ днемъ, всего удобнѣе было обмануть бдительность непріятеля въ сторожевой крѣпости Лесендріи, на одномъ изъ острововъ скутарійскаго озера, а также небольшіе турецкіе пароходы, крейсирующіе у берега. Расчетъ этотъ былъ основанъ на томъ предположеніи, что по субботамъ въ Рыкѣ былъ базаръ, на который, кромѣ черногорцевъ, имѣли обыкновеніе пріѣзжать на ладьяхъ ночью для торговыхъ цѣлей и албанцы; турки всегда пропускали ихъ мимо своей крѣпости безпрепятственно и можно было надѣяться, что благодаря ночной темнотѣ, непріятель приметъ военныя ладьи за торговыя.

Планъ князя былъ строго обдуманъ и хотя представлялся большой рискъ, но за то удача его почти на половину рѣшала дѣло. О совмѣст-

*) Изъ албанцевъ.

**) Австрійскій военный агентъ, вѣроятно, забылъ, что созданная имъ въ тогдашнее злополучное для черногорцевъ время «нашествія Сулеймана» дипломатическая мистификація была скоро обнаружена,—русскія войска перешли Дунай и вслѣдствіе этого Порта отозвала Сулеймана.

номъ дѣйствіи съ сербами его свѣтлость умолчалъ.

При разборѣ деталей плана полковникъ Боголюбовъ обратилъ вниманіе князя на строгое выполненіе демонстраціи Подгорицы, которой долженъ былъ руководить самъ князь. Въ виду всякихъ случайностей, Боголюбовъ считалъ необходимымъ продлить ее по меньшей мѣрѣ два дня. Предложеніе его было принято.

27 октября, утромъ, князь, во главѣ 2-хъ батальоновъ и въ сопровожденіи многочисленной свиты, двинулся по направленію къ Подгорицѣ. Въ то же время со всѣхъ черногорскихъ позицій былъ открытъ непрерывный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Въ этотъ же день въ Рыкѣ, на берегу, близъ скопившихся челноковъ и дощаниковъ, съ наступленіемъ сумерекъ стала собираться большая толпа черногорцевъ. Въ началѣ все было тихо, но вскорѣ они заволновались, послышались крики, возгласы, усиленная божба... Началась нагрузка орудій и снарядовъ на лодки. Немного поодаль отъ толпы, близъ длиннаго челна, стояла небольшая группа; это были: Врбица, полковникъ Боголюбовъ, Циклинскій съ 7-ю фейерверкерами, инженеръ Шадурскій *) съ помощникомъ своимъ Яшки и неизмѣнный Пильгуновъ.

Спустя нѣсколько времени, шумъ сталъ утихать. Раздались восклицанія: съ Богомъ, брате! Срѣчанъ путъ! Помоги Богъ! и т. д. Отъ берега потянулись длинныя вереницы лодокъ... Импровизированная черногорская эскадра пустилась въ опасный путь...

Прошло около двухъ часовъ... Ночной мракъ, усиленный пасмурнымъ небомъ, сгустился на поверхности воды въ непроницаемую мглу. Черногорскія лодки съ опытными рулевыми и гребцами, знавшими хорошо мѣстность, ни разу не сбивались съ пути. Вдали замерцали огоньки и донесся чуть слышно собачій лай... Еще нѣсколько времени... и на темномъ фонѣ ночи мелькнулъ въ отдаленіи неясный контуръ черной массы: это была турецкая крѣпость Лессендрія. На одной изъ лодокъ вспыхнулъ огонекъ, какой-то шалый черногорецъ закурилъ трубку. Сидѣвшіе рядомъ тотчасъ же вырвали ее у него и бросили въ воду.

— Оћу пушить, боггами! **) послышалось наивное оправданіе.

Между тѣмъ профили укрѣпленія становились все яснѣе. Огоньки выступали рѣзче, черногорская флотилія находилась уже въ 200 саженяхъ отъ турецкой обсерваціонной крѣпости. Тихій, прерывистый говоръ смолкъ, раздавалось только мѣрное всплескиванье веселъ. Вдругъ съ передовыхъ лодокъ крикнули о помощи: открылась течь; поспѣшно подплыли къ нимъ ближайшіе челноки, началось вычерпываніе. Лай собакъ между тѣмъ перешелъ въ протяжный вой. Наступилъ критическій моментъ. Къ счастью, лодки удалось законопатить. Поплыли дальше. Провѣдай въ эту минуту турки, кто у нихъ подъ носомъ, черногорская эскадра кончила бы свое существованіе, нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ шрапнелью порѣшили бы съ нею. Но патроны черногорцевъ, св. Петръ, Василій и Илія, вѣроятно, услышали неоднократный призывъ къ нимъ, и Лессендрія осталась позади, флотилія же благополучно подъѣхала къ Виръ-Базару.

Не выдержали черногорцы: громкое, долго-неумолкаемое живіо!.. гуломъ пронеслось въ ночной тишинѣ, по направленію къ мерцавшей огоньками Лессендріи. Черногорцы были уже въ Виръ-Базарѣ. Князь тоже не выдержалъ; въ лихорадочномъ ожиданіи результата ночного плаванія его свѣтлость въ ту же ночь (вмѣсто положенныхъ 2-хъ сутокъ) оставилъ Мартиничи ***) и

*) Гейслеръ по болѣзни уѣхалъ въ Россію.

**) Хочу курить, ей Богу!

***) Мартиничи было выбрано княземъ для ночлега.

пріѣхалъ утромъ въ Виръ-Базаръ, совершивъ безъ отдыха 40 верстъ, прямо черезъ горы и ущелья. Сюда же примчался съ поразительной быстротой окольной тропинкой и Пламенацъ съ 10 бат., такъ, что 28-го утромъ въ Виръ-Базарѣ собралось 13 бат. при 10 орудіяхъ.

Изъ Виръ-Базара въ Антивари ведутъ двѣ тропинки,—одна черезъ Мурачи, сильно укрѣпленную турецкими позиціями, другая черезъ фортъ Сутормань. По диспозиціи, составленной княземъ, воевода Пламенацъ съ 7-ю бат., при 2-хъ орудіяхъ, долженъ былъ идти на Мурачи и, не дѣлая усиленной попытки завладѣть ими, стараться сдерживать непріятеля на мѣстѣ; другіе же 6 бат., при 8 орудіяхъ, съ Врбицею, подъ начальствомъ самого князя, должны были съ возможною быстротою идти на Сутормань и взять его, во что бы то ни стало.

Черногорцы не медлили. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, сдѣлавъ утомительный перевалъ черезъ горы, они поспѣшно (29 октября) двинулись дальше. Громадное затрудненіе представлялось въ передвиженіи орудій. 8 пушекъ приходилось тащить въ гору, большею частью, на плечахъ и немного на волахъ, по узкой, зигзагообразной тропинкѣ, которая, вслѣдствіе дождя и во многихъ мѣстахъ глинистаго почвеннаго грунта, сдѣлалась крайне скользкой и вязкой. Нѣсколько черногорцевъ были задавлены на смерть не разъ вырывавшеюся изъ рукъ ихъ тяжелой массой стали. Артилерійскіе снаряды и мелкія принадлежности орудій несли женщины и дѣти. Сдѣлавъ короткій, почлежный привалъ въ Лимянахъ, черногорцы 30 октября къ вечеру были у Сутормана и тотчасъ же, по выборѣ Врбицею и Циклинскимъ позицій на горныхъ высотахъ, стали устраивать батареи.

Фортъ Сутормань занимаетъ важное стратегическое положеніе, находясь на самой высшей точкѣ перевала къ Антивари и командуя всею прилегающею мѣстностью. Взять его штурмомъ представляло огромныя затрудненія и стоило бы не малыхъ потерь. Всю свою надежду черногорцы возлагали на бомбардировку. Батареи ихъ *) 31 октября утромъ были уже вооружены и разомъ открыли по форту учащенный огонь изо всѣхъ орудій. Непріятель съ Сутормана отвѣчалъ энергично. Лишь только открылась стрѣльба, какъ обнаружилось непріятное обстоятельство: ударныя трубки съ 9 ф. и 4 ф. русскихъ орудій, за исключеніемъ только нѣсколькихъ штукъ, оказались забытыми въ Виръ-Базарѣ. Приходилось употреблять неразрывные снаряды. Въ эту минуту капитану Циклинскому, котораго обступили со всѣхъ сторонъ черногорцы съ просьбой помочь какъ-нибудь горю, пришла въ голову мысль замѣнить отсутствующія ударныя трубки цинковыми винтами. Циклинскій разсчитывалъ, что шарообразная часть шорохи при ударѣ о стѣну форта, отдѣляясь отъ цилиндрическаго корпуса, дастъ искру, которая и воспламенитъ зарядъ снаряда. Гранаты стали тотчасъ же насыпать порохомъ. Попробовали стрѣлять; вышло удачно и пошли катать безъ удержу. Въ фортѣ образовались громадныя бреши; часть стѣны обвалилась. Огонь непріятельскій сталъ ослабѣвать и, наконецъ, показался бѣлый флагъ. Сутормань сдался послѣ двухъ-часоваго артилерійскаго огня. Черногорцы забрали 100 чел. плѣнныхъ, одно орудіе и нѣсколько боченковъ пороху. Позади Сутормана, въ разстояніи отъ версты до двухъ, находились еще 3 каменныхъ непріятельскихъ блокгауза, на которые Врбица, по взятіи форта, повелъ атаку съ 2-мя батальонами. Циклинскій же, не мѣняя позиціи, открылъ по нимъ огонь съ дистанціи тысячи и болѣе саженъ.

*) Два 9 фунт. въ 400 саж. отъ форта, два 4 фунт. въ 250 саж. и 4 горныхъ орудія въ 200 саж. на гребнѣ у самого форта.

Въ это время Пламенацъ, оставивъ 3 батальона у Мурачи, съ другими 4-мя совершилъ обходное движеніе къ селенію Татдже, лежавшему при соединеніи двухъ путей съ Виръ-Базара на Антивари, позади куль и открылъ залпами ружейный огонь съ тыла. Непріятель въ кулахъ, услышавъ въ тылу у себя выстрѣлы и боясь быть совершенно отрѣзаннымъ отъ пути отступленія, стремительно бросилъ укрѣпленія и скрылся въ горы, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, попавшихъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ, три блокгауза въ короткій промежутокъ времени и безъ боя достались въ руки черногорцевъ. Дорога въ Антивари сдѣлалась свободной.

Сильный ливень принудилъ князя вмѣстѣ со штабомъ укрыться на ночлегъ въ кулѣ Рымникъ, такъ какъ въ палаткахъ, пропускавшихъ черезъ себя воду, оставаться было неудобно. Веселый говоръ присутствовавшихъ подъ впечатлѣніемъ успѣшнаго начала похода постепенно стихалъ и всякій, гдѣ только могъ, предался мирному отдохновенію.

Однако тишина, прерываемая не громкимъ храпомъ, длилась не долго. Раздался пискъ, за нимъ другой, третій—все больше и больше, ближе и ближе изъ безчисленныхъ щелей и норъ показались въ огромномъ количествѣ крысы. Поднялось отчаянное шуршаніе. Въ первую минуту черногорцы съ просонковъ не разобрали въ чемъ дѣло, но при видѣ безчисленнаго множества быстро шевелящихся хвостовъ остервенились. Началось повальное избіеніе нарушительницъ общественной тишины и спокойствія и прошло не мало времени прежде, чѣмъ снова водворились миръ и порядокъ.

На разсвѣтѣ 1-го ноября князь во главѣ войска двинулся дальше, принимая на пути заявленіе покорности отъ албанскихъ селъ, расположенныхъ въ этой мѣстности. Въ полдень того же дня князь съ войскомъ прибылъ наконецъ къ Антивари.

(Продолженіе будетъ.)

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(Продолженіе.)

IV.

На другое утро, Эльвира зашла очень рано въ комнату Лотти.

— Кто былъ у тебя такъ поздно вчера вечеромъ? спросила она.

— У меня, пробормотала Лотти, сильно покраснѣвъ, — никто не приходилъ ко мнѣ вчера.

— Ты удивляешь меня Лотти, ты ненавидишь ложь, а сама говоришь неправду, сказала Эльвира.—Когда мы разошлись, я пошла къ тебѣ, и, отворивъ дверь, увидала мужчину, входящаго на балконъ.

— Вошелъ пожилой мужчина, сердито прервала ее Лотти, — что тутъ удивительнаго? Это былъ старый знакомый твоего отца, приходившій затѣмъ, чтобы узнать о послѣднихъ часахъ его жизни. Я думала, что могу принимать, кого захочу въ своей комнатѣ, не подвергаясь распросамъ и шпіонству; могла-ли я ожидать, что дитя, которое я воспитывала, будетъ наблюдать за моими поступками? Нѣтъ это свыше моихъ силъ!

— Какая ты смѣшная, Лотти, сказала Эльвира,—ты кажется серьезно сердишься на меня?

— Сердишься? повторила Лотти, плача; — развѣ я смѣю сердиться на графиню, но...

— Ты меня не поняла; какъ могла ты вообразить, что я намѣрена стѣснять тебя или слѣдить за твоими поступками; я только по привычкѣ хотѣла зайти проститься съ тобою.

— Мнѣ больно слушать твои оправданія, милое дитя, но...

— Нѣтъ, выслушай меня, улыбаясь, сказала

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА К. ЛОРКА.

Возвращеніе съ работы.

Рѣзано на деревѣ въ Дюссельдорфѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ю. ПОЛЛАКА.

Сладкій отдыхъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ Варшавѣ.

Эльвира. — Отворивъ дверь, я поразилась, увидавъ Карла Брогрена на балконѣ. Надѣюсь, тебя не удивляетъ больше мое желаніе узнать, зачѣмъ приходилъ онъ къ тебѣ?

— Онъ не былъ тутъ, я не видала его, былъ другой котораго... я не назову, такъ какъ тебѣ неизвѣстно его имя... я очень несчастлива, продолжала Лотти, зарыдавъ.

— Милая Лотти, о чемъ же ты плачешь, я вовсе не желаю знать имени твоего гостя. Но могу увѣрить тебя, что Карлъ стоялъ на балконѣ, когда я отворила дверь.

— Нѣтъ, не можетъ быть, ты должно быть ошиблась; мой гость одного съ нимъ роста. Господи! что можетъ выйдти, если Карлъ подслушалъ нашъ разговоръ!

Эльвира съ трудомъ успокоила взволнованную Лотти и то согласившись, что ей только показалось, что она видѣла Карла. Очевидно, тутъ скрывалась какая-нибудь тайна.

Насталъ часъ завтрака, Эльвира занялась гостями. М-съ Бровъ внимательно слѣдила за нею; Армида радостно улыбалась; казалось обѣ сдѣлали открытіе, которое каждая желала оставить при себѣ. М-съ Бровъ сказала, что флигель Лотти очень уединенъ; Армида нашла это большимъ достоинствомъ, она замѣтила, что завидуетъ Лотти, живущей въ такомъ красивомъ домикѣ съ балкономъ въ лѣсъ.

Послѣ завтрака всѣ разошлись; Сидней попросилъ позволеніе у Эльвиры переговорить съ нею. Армида осталась съ англичанкою.

М-съ Бровъ говорила о разныхъ пустякахъ, Армида же старалась перевести разговоръ на отношенія Эльвиры къ ея мужу, но ей ничего не удалось вывѣдать отъ м-съ Бровъ.

— Сэръ Лембурнъ кажется старый знакомый леди Кастертонъ? спросила Армида равнодушнымъ голосомъ.

— Кажется.

— Была-ли она съ нимъ знакома до замужества?

— Право, не знаю.

— Знакомъ-ли лордъ Кастертонъ съ сэромъ Сиднеемъ?

— Они друзья дѣтства.

— Вѣроятно онъ пріѣхалъ по порученію лорда?

— Можетъ быть.

— Леди Кастертонъ очень обрадовалась, получивъ его карточку. Не собирается-ли самъ лордъ пріѣхать сюда?

— Очень вѣроятно. А вы, миссъ, знакомы съ дѣвицею Стангенскіольдъ?

— Да я жила нѣсколько лѣтъ у ея родителей.

— Мнѣ говорили, что вы были ея другомъ?

— Это правда, отвѣчала Армида, смотря съ безпокойствомъ на м-съ Бровъ. — Что вамъ извѣстно обо мнѣ и Мартѣ?

— Мнѣ кажется, сказала м-съ Бровъ, не отвѣчая на вопросъ, — вы дружны съ леди Кастертонъ.

— Да, дружна. Развѣ леди имѣетъ что-нибудь противъ меня?

— Мы говоримъ не о леди, а объ васъ, миссъ. Воображая, что вы питаете къ ней дружбу, вы обманываете себя.

М-съ Бровъ тихо поднялась со стула, сложила работу, намѣреваясь удалиться изъ комнаты; Армида, слѣдившая за всѣми ея движеніями, остановила ее.

— Выслушайте меня, сказала она. — Что вы хотѣли этимъ сказать? Не желаете-ли вы возбудить въ леди Кастертонъ сомнѣніе въ моей преданности и благодарности, и тѣмъ лишить меня единственной подпоры и помощи? Развѣ вы имѣете причины такъ дѣйствовать? Не думаете-ли вы, что я стою вамъ на дорогѣ? Я не знаю вашихъ средствъ, но знаю, что въ будущемъ могу только разсчитывать на доброту Эльвиры.

— Вы не ошиблись, леди одинаково добра со всѣми; я не хочу лишать васъ ея помощи, но я многое вижу. Прощайте, совѣтую вамъ остерегаться.

М-съ Бровъ спокойно вышла изъ комнаты.

«Я съ первой встрѣчи догадалась, подумала Армида, — что мы съ нею будемъ врагами; она воспользуется всякимъ случаемъ, чтобы повредить мнѣ; надо предупредить ее; посмотримъ, не удастся-ли мнѣ выжить ее къ осени и занять ея мѣсто... Но у нея нѣтъ опредѣленной должности... Она рѣдко бываетъ въ обществѣ Эльвиры, сидитъ почти цѣлый день въ своей комнатѣ, имѣетъ особенную прислугу; она скорѣе держитъ себя какъ родственница, только между нею и Эльвирою нѣтъ довѣрія, онѣ какъ будто избѣгаютъ другъ друга, боясь столкновенія. Есть что-то странное въ положеніи Эльвиры; постараюсь узнать эту тайну; надо устроить такъ, чтобы Эльвира не имѣла повода прогнать меня. Прежде всего надо узнать, въ какихъ отношеніяхъ она къ Сиднею... если не ошибаюсь, тутъ скрывается любовь. Никогда не предполагала я, чтобы некрасивая, непріятная дѣвчонка Эльвира могла вырости хорошенькой женщиной и выйти замужъ ранѣе, чѣмъ кто-нибудь посватается за меня. Теперь она знатная дама, она красивѣе меня, но я умнѣе и отомщу ей за ея преимущества надо мною! Необходимо слѣдить за нею и Сиднеемъ. Открытіе тайны или интриги принесетъ мнѣ счастье, если я съумѣю дѣйствовать умнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ; ревность къ Мартѣ испортила все... Я ненавижу тѣхъ, кого онъ любилъ, Эльвира же была его первою любовью. Пойду теперь въ библіотеку за книгой, можетъ быть, по дорогѣ удастся что-нибудь подслушать; они вѣроятно въ кабинетѣ, я плохо понимаю по-англійски, но что-нибудь пойму»

Армида направилась въ библіотеку, но, къ величайшему ея разочарованію, Эльвира съ Сиднеемъ находились не въ кабинетѣ, а въ рабочей комнатѣ.

V.

Эльвира съ Сиднеемъ сидѣли на маленькомъ диванѣ и разговаривали.

— Вы упрекаете меня, говорила Эльвира, — что я несправедливо пожертвовала счастьемъ мужа моему высокомѣрію. Ахъ, сэръ, не говорите мнѣ, что я должна заботиться о счастьѣ Кастертона или исполнять священныя обязанности жены относительно его, который смотрѣлъ на меня, какъ на способъ къ достиженію богатства. Поступая честно, онъ долженъ былъ сказать мнѣ, что ему необходима жена для пріобрѣтенія богатства и спросить, хочу-ли я быть ею; тогда бы я свободно могла рѣшить, теперь-же...

— Ваше оскорбленное самолюбіе должно быть удовлетворено: вы отомстили.

— Нѣтъ, я мстила бы, еслибы поступки мои огорчали его; зная, что онъ останется спокойнымъ, я только слѣдовала совѣтамъ вашимъ и маркизы; вы говорили: «жена должна заботиться о счастьѣ мужа». Маркиза повторяла: «женщина, замѣтившая, что мужъ не любитъ ее, должна стараться быть ему какъ можно менѣе въ тягость». Я не хотѣла связать собою лорда Кастертона, зная что нелюбимая жена — язва для мужа.

— Женщина можетъ достигнуть любви мужа, не разлучаясь съ нимъ, сказалъ Сидней.

— Ошибаетесь, онъ вамъ сказалъ, что никогда не полюбитъ меня. Достаточно было мѣсяца, проведеннаго въ Гартонкуртѣ, чтобы разрушились мои надежды, что мы сойдемся когда-нибудь и теперь я вполнѣ убѣждена, что Эдвинъ Кастертонъ не полюбитъ меня.

— Однако я получилъ отъ него письмо, во время вашего пребыванія въ Гартонкуртѣ, изъ котораго видно, что мысли его были заняты вами.

— Да, такъ, какъ бываютъ заняты мысли узника тюремною рѣшеткою, отдѣляющею его отъ свободы. Я не хочу просить васъ о прочтеніи этого письма, а разскажу вамъ, какъ поступалъ со мною мой мужъ. Спустя шесть недѣль послѣ нашей свадьбы, мы разстались; смерть моего отца могла служить предлогомъ моему отъѣзду въ Швецію. Впродолженіи десяти мѣсяцевъ я получила два письма отъ мужа. Первое было чисто дѣловое; при немъ посылалась довѣренность распоряжаться по моему усмотрѣнію наслѣдствомъ, доставшимся мнѣ послѣ отца; во второмъ мужъ увѣдомлялъ меня о своемъ желаніи встрѣтиться со мною въ Копенгагенѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Англію, къ маркизѣ. Послѣ десятимѣсячной разлуки лордъ встрѣтилъ меня съ холодною вѣжливостью; его нисколько не интересовало, какъ я перенесла горе, какъ проводила время въ разлукѣ съ нимъ; точно также онъ не сказалъ ни слова про себя. Въ Англіи я узнала, что онъ попалъ въ парламентъ и пріобрѣлъ извѣстность своими энергическими рѣчами. Онъ старательно избѣгалъ встрѣчъ со мною наединѣ и почти все время проводилъ на охотѣ. Со мною онъ, правда, всегда былъ предупредителенъ, но не показывалъ ни тѣни дружбы или расположенія. Отъ маркизы мы уѣхали въ Лондонъ, гдѣ провели недѣлю; онъ пожелалъ представить меня своимъ роднымъ и побывать со мною въ театрѣ. Наканунѣ отъѣзда онъ привелъ ко мнѣ м-съ Бровъ и, въ ея присутствіи, выразилъ желаніе оставить ее при мнѣ, находя, что леди Кастертонъ слишкомъ молода, чтобы бывать одной въ свѣтѣ. Удареніе, сдѣланное имъ на словахъ «леди Кастертонъ» заставило меня согласиться безъ возраженія съ его желаніемъ. Оттуда поѣхала я въ Италію, гдѣ провела всю зиму. Мужъ мой тоже провелъ нѣсколько мѣсяцевъ за границей и на возвратномъ пути настолько близко познакомился съ однимъ шведскимъ семействомъ, что это даже обезпокоило маркизу.

— А васъ не обезпокоило, что онъ открыто ухаживалъ за другою женщиною; вамъ и въ мысль не пришло, что вы виною этому. Никогда Кастертонъ не позволилъ бы себѣ непозволительной страсти, если бы жена была съ нимъ.

— Сэръ, я убѣждена, что мое присутствіе не могло бы на него подѣйствовать. Онъ не любитъ меня; чтоже удивительнаго, если онъ полюбилъ другую.

— Вы невѣрно судите о Кастертонѣ. Еслибы, не руководясь только самолюбіемъ, а поддаваясь голосу сердца, вы позаботились о его счастьѣ и домашнемъ спокойствіи, повѣрьте, Кастертонъ старался бы устроить вамъ вполнѣ пріятную жизнь. Вы сами возвратили ему свободу и тѣмъ допустили его предаться непозволительной страсти. Но все можно поправить; рѣшитесь держать себя съ нимъ иначе. Вы увидите Кастертона въ Гартонкуртѣ, поѣзжайте съ нимъ въ его имѣніе, старайтесь привлечь его добротою и кротостью.

— Чего вы требуете отъ меня! вскричала Эльвира. — Чтобы я стала навязывать себя мужчинѣ, который...

— Будетъ искать у другихъ то, чего не нашелъ у жены. Да, миледи, дѣйствуйте по внушенію чувства, а не гордости. Повторяю вамъ: призваніе женщины: любить и прощать; не отклоняйтесь же отъ исполненія долга; въ этомъ вы найдете свое счастье.

Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Не разсердились-ли вы? сказалъ наконецъ Сидней. — Я полагалъ, что вы не перемѣнились настолько, чтобы искреннія слова друга могли

оскорбить васъ. Замѣтьте, миледи, съ вами говоритъ лучшій другъ вашего мужа, защищающій отсутствующаго; простите ему, если онъ былъ, можетъ быть, слишкомъ откровененъ.

— Да, вы его, а не мой другъ. Ваша пристрастная дружба къ нему заставила васъ осудить меня. О, сэръ Сидней, какъ я ошибалась, надѣясь на васъ; меня никто не любитъ, всѣ покидаютъ и осуждаютъ меня.

Эльвира, заплакала. Сидней быстро схватилъ ея руку.

— Эльвира понимаете-ли вы, что говорите, сказалъ онъ.

Эльвира, посмотрѣвъ на него, быстро опустила глаза. Сидней поспѣшно всталъ, выпустивъ ея руку.

— Вы сами поймете несправедливость вашихъ словъ, сказалъ онъ принужденно;—я не буду оправдываться. Я увѣренъ, вы постараетесь нѣжностью и любовью достигнуть недостающаго вамъ счастья. Позвольте мнѣ уѣхать съ надеждой, что я говорилъ не напрасно и что вы послѣдуете совѣту друга.

— Постараюсь, прошептала взволнованная Эльвира.

— Благодарю, сказалъ Сидней, цѣлуя ея руку,—и прощайте, прибавилъ онъ, поворачиваясь къ двери.

На порогѣ стоялъ Эдвинъ.

— Кастертонъ! воскликнулъ Сидней.

— Прошу извинить меня, миледи, сказалъ Эдвинъ, подходя къ женѣ, — что я вошелъ безъ доклада; я рѣшился переступить порогъ вашей комнаты безъ предупрежденія, когда узналъ, что у васъ находится мой лучшій другъ; иначе я не осмѣлился бы побезпокоить вашего уединенія.

Слова, тонъ, мина—все вмѣстѣ непріятно подѣйствовало на Эльвиру.

— Вы не обязаны докладывать о себѣ, милордъ, посѣщая женщину, носящую ваше имя, отвѣчала Эльвира, протягивая ему руку.—Благодарю васъ, что вамъ вздумалось посѣтить меня.

Эдвинъ, будто не замѣчая протянутой руки своего друга, холодно поклонился ему и сказалъ:

— Я очень радъ видѣть тебя, хотя, сознаюсь откровенно, не ожидалъ встрѣтить тебя здѣсь. Надѣюсь, ты не уѣдешь теперь, хотя уже простился съ миледи.

— Я отложу свой отъѣздъ, отвѣчалъ Сидней, спокойно,—конечно, если миледи позволитъ мнѣ остаться нѣсколько часовъ...

— Миледи вѣроятно будетъ очень рада, перебилъ Кастертонъ.—Я увѣренъ, что моему другу оказанъ радушный пріемъ. Я не ошибся, расчитывая на вашу доброту, миледи?

— Вы можете быть увѣрены, что ваши друзья, всегда встрѣтятъ у меня радушный пріемъ.

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ и предложить вамъ руку, чтобы проводить къ ожидающей васъ маркизѣ.

— Маркиза здѣсь! воскликнула Эльвира.

— Если бы не маркиза, я не осмѣлился бы посѣтить васъ и нарушить вашъ покой своимъ присутствіемъ; маркизѣ пришла фантазія ѣхать сюда и она пожелала, чтобы я проводилъ ее. Я не могъ отказать ей.

Каждое слово его оскорбляло Эльвиру.

Маркиза ожидала въ большой залѣ. Увидя ее, Эльвира подбѣжала къ ней. Старуха очень похудѣла и казалась больною.

— Какъ я рада васъ видѣть! воскликнула Эльвира, съ неподдѣльною радостью и поцѣловала руку маркизы.

Эльвира любила маркизу, но въ первый разъ рѣшилась высказать свое чувство; выраженіе ея лица доказывало такую искренность, что маркиза просіяла.

— Благодарю тебя, дитя мое, сказала она, лаская Эльвиру.—Соскучившись въ Гартонкуртѣ, я рѣшилась посѣтить тебя, желая познакомиться съ страной, гдѣ ты родилась... Сэръ Сидней! очень рада васъ видѣть; вѣроятно также желаніе познакомиться съ Швеціей, заставило васъ посѣтить эту страну?

— Да, маркиза; побродивъ въ Турціи и Греціи, я направился на сѣверъ съ цѣлью изучить здѣшніе обычаи и нравы, отвѣчалъ Сидней.

— Съ этой мѣстности вы и начали свое изученіе, замѣтила маркиза рѣзкимъ тономъ.

— Пока не начиналъ еще, улыбаясь сказалъ Сидней;—я почелъ своей обязанностью прежде всего посѣтить леди Кастертонъ.

Эльвира стала распрашивать маркизу объ ея здоровьѣ; старуха сказала, что желаетъ отдохнуть и Эльвира проводила ее въ ея комнату, распорядившись въ тоже время, чтобы вещи милорда отнесли въ приготовленное для него отдѣленіе.

Когда маркиза съ Эльвирой вышли изъ залы, Эдвинъ и Сидней стояли нѣсколько секундъ молча, смотря другъ на друга. Наконецъ первый разразился громкимъ смѣхомъ и весело сказалъ:

— Клянусь честью, мой милый Лембурнъ, ты подозрѣваешь меня въ ревности! Но я слишкомъ люблю и уважаю тебя, чтобы могъ сомнѣваться въ твоей честности.

— Это могла быть не ревность, а страхъ, что жена можетъ отплатить тебѣ тою же монетой, какою ты платишь ей. Я не могъ подозрѣвать тебя въ ревности, зная, что ты не любишь жену.

— Ну да, я не люблю ее... Во всякомъ случаѣ я нахожу нашу встрѣчу смѣшною, а твое свиданіе наединѣ съ леди Кастертонъ нѣсколько необдуманнымъ. Оставимъ однако эту тему; что ты скажешь о моемъ присутствіи здѣсь?

— Ничего, пока не узнаю, что побудило тебя пріѣхать сюда, отвѣчалъ Сидней.

— Этимъ я обязанъ маркизѣ. Мнѣ не хотѣлось сознаться ей, что мы съѣзжаемся съ женою только одинъ разъ въ годъ. Когда маркиза неожиданно предложила мнѣ посѣтить жену въ Швеціи, я не могъ отказаться ѣхать съ нею...

— Досадно слушать, прервалъ его Сидней,—я тебя не узнаю.

— Ты можетъ быть думаешь, что послѣ нашего послѣдняго свиданія я перемѣнилъ образъ мыслей; нѣтъ, другъ мой, ты не поколебалъ моихъ мнѣній. Мы съ леди Кастертонъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ длиннѣе между нами разстояніе. Мы антиподы, насъ невозможно соединить. Она получила, что желала; я же очень благодаренъ ей за мое настоящее положеніе. Ей видимо пріятна наша разлука, она хорошѣетъ съ каждымъ годомъ.

— Комнаты милорда убраны, доложилъ камердинеръ Эдвина.

— Мнѣ необходимо умыться, сказалъ Эдвинъ Сиднею,—увидимся черезъ часъ; интересно посмотрѣть, какъ меня помѣстили, вѣроятно, отвратительно. Жена едва-ли расчитывала видѣть меня когда-нибудь здѣсь.

«Двухъ антиподовъ невозможно соединить; вижу я, что онъ правъ, думалъ Сидней.—Бѣдная Эльвира! какова будетъ ея судьба».

VI.

Обѣдъ подали позже обыкновеннаго, такъ что наступили уже сумерки, когда въ Тимасіо встали отъ стола; всѣ гости собрались на терасѣ. Эльвира услыхала, какъ Эдвинъ сказалъ Армидѣ, подойдя къ ней послѣ обѣда:

— Сегодня день нечаянныхъ встрѣчъ; судьба очень милостива, приготовивъ мнѣ двѣ въ одинъ день. Меня очень радуетъ свиданіе съ вами, надѣюсь, вы хорошо себя чувствуете.

Глаза Армиды заискрились отъ восторга. Ее порадовало, когда она узнала мужа Эльвиры въ человѣкѣ, съ которымъ познакомилась такъ необыкновенно.

М-съ Бровъ, прекративъ вязанье, внимательно посмотрѣла на маркизу, послѣ чего спокойно принялась снова за работу. Сидней сморщилъ брови. Эльвира приняла принужденную осанку.

Эдвинъ казался очень обрадованнымъ встрѣчею съ Армидой. Не обращая вниманія на строгій взглядъ маркизы, на сдвинутыя брови Сиднея, меньше же всего на холодный видъ Эльвиры, онъ сѣлъ рядомъ съ Армидой и завелъ съ нею живой разговоръ о Парижѣ, Баденъ-Баденѣ, Швейцаріи, и съ особеннымъ интересомъ занимался ею цѣлый вечеръ. Эльвира, съ своей стороны, весело разговаривая съ маркизою, Сиднеемъ и м-съ Бровъ, казалось едва замѣчала присутствіе лорда Кастертона. Маркиза, умѣвшая сдерживать себя и не желая показать, насколько раздражалъ ее Эдвинъ, принимала живое участіе въ разговорѣ.

М-съ Бровъ замѣчала, что взоръ милорда нѣсколько разъ останавливался на женѣ, когда она смѣялась отъ всего сердца и долго не могъ оторваться отъ ея прелестнаго личика.

Маркиза удалилась въ свои комнаты послѣ чаю, остальные гости разошлись, пожелавъ хозяйкѣ покойной ночи. Эдвинъ и Эльвира остались наединѣ въ большой залѣ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, сказалъ Эдвинъ, подойдя къ женѣ,—за вашу заботливость объ устройствѣ помѣщенія для меня.

— Вы напрасно благодарите меня, милордъ; естественно, что при устройствѣ этого дома я позаботилась объ отдѣлкѣ комнатъ, предназначенныхъ вамъ, хотя, говоря правду, никогда не ожидала, что они будутъ заняты.

— Мнѣ было бы пріятнѣе думать, что, устраивая для меня помѣщеніе, вы расчитывали, что оно будетъ мною занято...

Эльвира молчала, не смѣя поднять опущенныхъ глазъ, хотя много бы дала, чтобы увидать выраженіе его лица.

— Сколько времени прожили вы здѣсь, Эльвира? сказалъ Эдвинъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Съ начала мая. Я вернулась изъ Италіи въ послѣднихъ числахъ апрѣля.

— Да, правда, вы пробыли всю зиму въ Италіи, проводя время въ изученіи музыки.

— Кто вамъ сообщилъ объ этомъ? спросила Эльвира.—Ахъ, да, понимаю, вѣроятно, м-съ Бровъ.

Послѣдовало молчаніе, прерванное снова Эдвиномъ.

— Какъ понравилось вамъ въ Италіи?

— Очень понравилось. Я чувствую себя хорошо вездѣ, гдѣ можно найти красивую природу и музыку.

— Слѣдовательно вы любите только зеленые луга и мелодическіе тоны. Меня очень удивлялъ вашъ уединенный образъ жизни; я думалъ, что вы, обладая молодостью, красотою, богатствомъ и знатнымъ именемъ, соблазнитесь шумомъ большого свѣта, а потому я ожидалъ услыхать о побѣдахъ леди Кастертонъ во Франціи, Италіи и другихъ странахъ.

— Васъ могло это обрадовать, милордъ?

— Да, вашъ успѣхъ доставилъ бы мнѣ удовольствіе, потому что тогда я осмѣлился бы посѣтить васъ, уже изъ желанія быть свидѣтелемъ вашихъ побѣдъ, теперь же я не рѣшался обезпокоить васъ въ вашей уединенной жизни, посвященной одной наукѣ. Я не осмѣливался приблизиться къ вамъ, чтобы услыхать вашъ голосъ, отъ котораго всѣ въ восхищеніи.

— Милордъ, я удивляюсь, слушая васъ; вы говорите, что ваши мысли были заняты мною, а я думала, что вы вспоминаете обо мнѣ только перваго сентября.

У адвоката. (КАРТИНА Б. ВОТЬЕ.) Гравировалъ въ Парижѣ Роберъ.

— Вы судите по себѣ? спросилъ Эдвинъ, взявъ ея руку.

— Я сужу по вашимъ дѣйствіямъ, отвѣчала Эльвира.

— По моимъ! Скажите лучше, по вашимъ. Вспомните...

— Прошу извинить меня, сказала Армида мягкимъ голосомъ, вбѣгая въ залу;—я кажется потеряла здѣсь записную книжку.

Кастертонъ выпустилъ руку Эльвиры.

— Я бы многое дала, чтобы найдти ее, сказала Армида Эдвину;—эта книжка досталась мнѣ нечаянно и я только что хотѣла возвратить се Мартѣ, пріѣхавшей въ Скокгофъ. Это записная книжка, которую вы подарили Мартѣ, взявъ съ нея обѣщаніе возвратить ее при вашемъ свиданіи съ нею въ Швеціи. Какая досада! Марта подумаетъ, что я присвоила себѣ эту книжку.

Лордъ Кастертонъ недовольнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Армиду; Эльвира нагнулась, ища книгу, а можетъ быть желая скрыть свое волненіе. Вскорѣ она поднялась, держа въ рукѣ маленькую изящную записную книжку.

— Не эта ли? спросила она, протягивая ее Армидѣ.

— Она и есть. Благодарю, тысячу разъ благодарю, добрая Эльвира, сказала Армида. — Я вполнѣ счастлива, найдя эту книжку, потому что милордъ написалъ въ ней стихи, которыхъ не слѣдовало читать не имѣющему на то права. Теперь я могу спокойно уснуть.

Пожавъ руку Эльвирѣ, поклонясь Эдвину, Армида поспѣшно вышла изъ комнаты.

Эдвинъ съ Эльвирою остались одни; если ихъ прерванный разговоръ могъ привести къ сближенію между ними, то теперь послѣ словъ Армиды надежда на это должна была исчезнуть. Эльвира держалась гордо, Эдвинъ задумчиво.

— Пора спать, милордъ, сказала Эльвира;— желаю вамъ покойной ночи. Надѣюсь, вамъ приснятся хорошіе сны подъ этою кровлею.

— Какъ! вы уже покидаете меня? спросилъ Эдвинъ.

— Уже полночь, отвѣчала Эльвира, протягивая ему руку.

Онъ схватилъ ее и хотѣлъ удержать, но Эльвира быстро отняла свою руку и направилась къ двери. Она, можетъ быть, надѣялась, что онъ пойдетъ за нею и удержитъ ее, но она еще не вполнѣ знала гордый, непреклонный характеръ Эдвина. «Глупо стараться перемѣнять наши отношенія, подумалъ онъ, бросаясь въ кресло.— Она этого не хочетъ, ну и я... я тоже не желаю. Сдѣлавъ все, что было въ моихъ силахъ, я не считаю себя виновнымъ. Она не желаетъ, чтобы я переступалъ назначенныя ею границы, а я никогда не унижусь передъ нею; она женщина безъ сердца; она не имѣетъ понятія о совѣсти и чувствѣ; въ ней говорятъ только гордость и безпредѣльное самолюбіе. Къ своему презрѣнію, я присоединилъ бы ненависть, не будь у нея такой привлекательной наружности. Да, я презираю ее и никогда не прощу ея безчувственности; не хочу больше думать о ней. Лучше посмотрю, что въ этомъ письмѣ, закончилъ онъ, развертывая бумажку, которую держалъ въ рукахъ;—Армида сунула мнѣ его въ руку, когда мы искали записную книжку».

Прочитавъ первыя строки онъ воскликнулъ:

— Неужели эго обвиненіе справедливо; если это такъ, мы окончательно разойдемся!

(*Продолженіе будетъ.*)

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Замѣтка П. Скромнаго.

Въ воскресенье, 7-го окт., въ Москвѣ совершено погребеніе знаменитаго нашего историка Сергѣя Михайловича Соловьева, заслуженнаго профессора и бывшаго ректора московскаго университета, академика и директора оружейной палаты. Досточтимый историкъ умеръ, не доживъ еще до 60-ти лѣтъ.

Эта печальная вѣсть облетѣла уже по телеграфу все громадное пространство нашего отечества и, безъ преувеличенія, вездѣ и у всѣхъ честныхъ людей, безъ различія партій и убѣжденій, возбудила одно общее чувство—искренняго сожалѣнія и тяжелой утраты. Смерть историка показала, чѣмъ онъ былъ при жизни, какъ многополезенъ былъ его трудъ. Единодушныя сожалѣнія свидѣтельствуютъ, какъ свѣтла была нравственная личность покойнаго. Почившій оказалъ громадныя услуги русской наукѣ вообще и московскому университету въ частности. Утрата его чувствуется русскою наукою; эта утрата государственная и народная.

Въ виду тяжелой утраты чувствуется потребность приблизить къ себѣ свѣтлый нравственный образъ покойнаго, и благодарность къ знаменитому учителю настоятельно заставляетъ припомнить многоплодные труды его.

Почившій, при жизни, своею «Исторіею Россіи съ древнѣйшихъ временъ» воздвигъ себѣ величавый памятникъ. Двадцать восемь томовъ «Исторіи Россіи» заставляютъ съ благоговѣніемъ преклониться предъ памятью великаго учителя. Но этотъ трудъ еще далеко не единственный; если собрать отдѣльныя монографіи и статьи его, то, вѣроятно, составится еще томовъ пятнадцать. Писать большое сочиненіе—это, какъ выразился прекрасно Литтрэ, дѣло нравственное, это подвигъ, который требуетъ, кромѣ таланта, великаго самоотверженія, большой силы характера, требуетъ добродѣтели. Этою добродѣтелью покойникъ отличался по преимуществу. Онъ, впродолженіи 30 лѣтъ, неустанно, изъ года въ годъ, изо дня въ день, преслѣдовалъ одну и туже идеальную цѣль, съ которой сжился, безъ которой не мыслилъ своего существованія. Онъ сказалъ: «великая русская земля требуетъ и работы великой»—и поднялъ эту работу, этотъ нравственный подвигъ, посвятилъ ему всѣ свои великія силы. Даже тяжкая болѣзнь и близкая, имъ предчувствуемая, смерть не заставили его отказаться отъ этого «добраго подвига». Желая окончить 29-й т. своей Исторіи, онъ диктовалъ начатую имъ главу по часу въ день, почти лежа на смертномъ одрѣ своемъ. Назидательный примѣръ трудолюбія и вѣрности идеѣ; учитель своимъ примѣромъ, какъ бы говоритъ ученикамъ: «подражатели мнѣ бывайте!»

Задумавши свой трудъ, С. М. на вопросъ друзей: «что вы хотите дѣлать?» отвѣчалъ: «хочу поставить себѣ памятникъ»! Для молодого профессора это было сказано слишкомъ смѣло. Но результаты показали, что здѣсь высказалось не легкомысленное самолюбіе, не взвѣсившее всѣхъ препятствій къ истинной славѣ, а торжественный обѣтъ соединить всю свою жизнь съ великою задачею. Историкъ шелъ къ истинной славѣ твердою стопою и ему принадлежитъ по праву лавровый вѣнецъ! Но какъ это достигнуто? какими средствами? какія препятствія пришлось преодолѣть?

Нашъ историкъ приступилъ къ дѣлу съ обширною и вполнѣ достаточною для важнаго труда предварительною подготовкой: расширивъ свой взглядъ основательнымъ изученіемъ исторіи другихъ народовъ, особенно славянскихъ, и воспитавъ вкусъ и тактъ внимательнымъ чтеніемъ древнихъ и новыхъ мастеровъ исторической науки. По предварительной подготовкѣ, по широкому общему образованію С. М. стоялъ несравненно выше другихъ нашихъ историковъ. Эта подготовка направляла его мысль и трудъ, но далеко не устраняла всѣхъ препятствій, относящихся къ исторіи Россіи спеціально.

Предъ нимъ лежалъ національный трудъ его предшественника — исторіографа. Этотъ трудъ во многомъ облегчалъ первые шаги нашего историка. Но другіе взгляды, цѣли и задачи не дозволяли ему подчиняться всегда и во всемъ руководству исторіографа. Нашему историку во многихъ случаяхъ приходилось идти совершенно самостоятельно, безъ всякаго руководства, и при этомъ быть въ одно и тоже время и чернорабочимъ, и творцомъ. Прежде всего надобно было въ пыли архивовъ найдти, изобрѣсть матеріялъ, подвергнуть его критической обработкѣ и сдѣлать годнымъ къ употребленію; а потомъ уже составлять планъ зданія и строить самое зданіе. Чтобы оцѣнить количество и тяжесть этого черного труда, примите къ свѣдѣнію, что историку пришлось выбрать матеріялъ для 10-ти вѣковъ нашей исторіи. И этого достаточно было бы для цѣлой жизни и это одно дало бы право войдти въ исторію науки: даже простые издатели и собиратели древнихъ памятниковъ заслуживаютъ благодарнаго упоминанія и мѣста въ исторіи науки. Но нашъ историкъ, послѣ громадной черной работы, долженъ былъ строить; бросивъ заступъ чернорабочаго, онъ взялся за рѣзецъ художника.

Въ этой второй части работы несравненно болѣе соблазновъ и препятствій; самоотверженіе и мудрость здѣсь ни на минуту не должны были покидать историка. Субъективныя расположенія, узкія теоріи, случайныя требованія времени и партій — вотъ препятствія, которыя для вѣрнаго воспроизведенія истины преодолѣть необходимо и которыми нерѣдко побѣждаются даже великіе умы. Нашъ историкъ съ крѣпостью стоика и благоразуміемъ истиннаго мудреца побѣдилъ эти препятствія. Онъ задался задачею служить истинѣ, воспроизводить, что было и какъ было, и осмотрительно слѣдилъ за собою при выполненіи этой задачи. Его дѣло правдиво, насколько можетъ быть правдиво дѣло честнаго человѣка. Если вы будете искать у него предумышленнаго подчиненія фактовъ теоріямъ, не найдете этого. Если будете подозрѣвать желаніе угодить чему-нибудь, ваше подозрѣніе окажется ложнымъ. Значеніе и характеръ историческаго труда С. М. проф. Герье опредѣляетъ такими словами: «Жизнь всякаго историческаго народа представляетъ въ своемъ развитіи разнообразное теченіе; изъ главнаго потока часто выдѣляются, на немъ отмѣчаются многія отдѣльныя струи. Историки, большею частью, слѣдятъ только за этими отдѣльными струями, ихъ произведенія отражаютъ въ себѣ обыкновенно только тотъ или другой изъ разнообразныхъ интересовъ народной жизни, иногда и мимолетный, подчасъ и суетный. Никто изъ нихъ не создавалъ такого полнаго, такого цѣльнаго, такого вѣрнаго образа русскаго народа въ его историческомъ развитіи, какъ С. М. Соловьевъ. Онъ, можно сказать, плылъ по широкому, по могучему теченію исторической жизни русскаго народа».

Даже самый способъ расположенія и изложенія историческаго матеріяла въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» заслуживаетъ вниманія и особенной похвалы. Авторъ заботливо избѣгаетъ искуственности въ расположеніи и даже въ изложеніи историческаго матеріяла. Онъ въ простомъ безъискуственномъ разсказѣ старается воспроизвести минувшую жизнь народа, насколько это возможно, не отступая ни на шагъ отъ источниковъ. Можетъ быть, многимъ, избалованнымъ искуственною систематизаціею эта простота кажется непривлекательною и тяжелою; но строгая критика должна эти видимые недостатки считать великими достоинствами. Отсутствіе искуственной систематизаціи въ расположеніи фактовъ обусловливалось не спѣшностью работы, а самымъ состояніемъ науки и совѣстливымъ желаніемъ историка избѣжать возможности натя-

жекъ и искаженія фактовъ. Что мы сказали о расположеніи историческаго матеріяла, тоже должно сказать и объ изложеніи его, о стилѣ нашего историка. Кажущаяся тяжеловатость слога должна быть причислена не къ недостаткамъ, а скорѣе къ достоинствамъ: своимъ слогомъ авторъ сохраняетъ колоритъ лѣтописнаго разсказа и приводитъ насъ къ первоначальному источнику. Мы знаемъ важность и значеніе исторіи публицистической; она всегда служила для возбужденія народа и проведенія тѣхъ или другихъ идей; мы, можетъ быть, даже способны преувеличивать важность для политическаго воспитанія народа такихъ трудовъ, какъ, напр., Исторія Карла фонъ-Роттена. Но тѣмъ не менѣе должны сознаться, что такіе труды имѣютъ значеніе минуты, значеніе чисто политическое; они скоро забываются, хотя имена авторовъ и вспоминаются всегда съ великою благодарностью. Мы съ любовью перечитываемъ труды нашего историка-художника и многимъ обязаны его сочиненіямъ; но тѣмъ не менѣе думаемъ, что было бы не вполнѣ удобно примѣнить его методу и образъ писанія къ составленію такого монументальнаго труда, какъ громадная «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Если бы Соловьевъ писалъ болѣе блестящимъ стилемъ, онъ создалъ бы занимательную книгу, привлекательную для публики, но за то не такъ долговѣчную; теперь онъ создалъ основу, фундаментъ для науки, нѣчто монументальное. Безъ исторіи его не обойдется ни одинъ изслѣдователь теперь и долго еще она будетъ руководящею книгою для человѣка, изучающаго судьбы русскаго народа. Возьмите какую хотите книгу, касающуюся Россіи, русской жизни и быта, и вы непремѣнно найдете въ ней ссылки на исторію Соловьева. Она служитъ теперь энциклопедіею, богатымъ репертуаромъ разнообразныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи народа и его быта. Мы убѣждены, что когда появится философская и художественная исторія, и тогда знаменитая «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» не утратитъ совершенно своего значенія.

Мы вышли бы изъ предѣловъ короткой замѣтки, если бы вздумали вполнѣ оцѣнить все значеніе этого важнаго труда въ исторіи нашей юной науки. Думаемъ и сказаннаго достаточно для того, чтобы понять, почему упомянутый трудъ мы назвали великимъ и многоплоднымъ для русской науки и вообще для русской жизни. Если исторія народа есть его самопознаніе, то несомнѣнно почившій много послужилъ этому великому дѣлу. Онъ послужилъ этому дѣлу непосредственно своими трудами и посредствено — чрезъ многочисленныхъ своихъ учениковъ. Мѣсто историка въ настоящее время остается пустымъ и утрата его, думаемъ, долгое время незамѣнима. Мы не знаемъ, кто изъ живыхъ можетъ сравняться съ покойнымъ по знанію архивовъ; не знаемъ, кому доступны даже самые секретные дѣла, какъ ему; наконецъ, не видимъ, кто съ такимъ правомъ и авторитетомъ можетъ разсуждать о многихъ щекотливыхъ вещахъ, для другихъ недозволенныхъ.

Покойный по своимъ ученымъ трудамъ былъ общественнымъ дѣятелемъ въ самомъ широкомъ и благородномъ значеніи этого важнаго слова Но, кромѣ этого, онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ въ качествѣ профессора и ректора старѣйшаго разсадника русскаго просвѣщенія. И здѣсь нравственная личность покойнаго рисуется самыми привлекательными чертами. Онъ всегда стоялъ въ ряду людей науки и прогреса; онъ стоялъ внѣ партій случайныхъ, возникавшихъ изъ за мелочныхъ интересовъ; но въ вопросахъ серьезныхъ и принципіяльныхъ онъ былъ всегда за одно съ честными людьми, желавшими добра русскому просвѣщенію. Во время 30-ти лѣтней дѣятельности его въ старѣйшемъ университетѣ были свѣтныя эпохи и времена гнетущаго застоя. Съ перемѣною временъ мѣнялись и люди: многие, начавшіе хорошо, кончили позоромъ, пріобрѣли печальную извѣстность, изъ друзей университета сдѣлались его врагами и почтенный титулъ профессора примѣнили къ дѣлу, неимѣющему ничего общаго съ просвѣщеніемъ. Покойный былъ не таковъ: онъ до старости сохранилъ идеалы своей юности и свѣтлой эпохи своего родного университета. Если ему приходилось когда подавать свой авторитетный голосъ, то онъ подавалъ его неизмѣнно въ пользу университета и свободы просвѣщенія. Постоянство поучительное и достойное высокой похвалы и подражанія! Роли нерѣдко мѣнялись: одни мѣняли знамя, съ которымъ выступили первоначально на арену общественной дѣятельности; но Сер. Мих. не измѣнялся. Эта твердость и искренность въ служеніи идеѣ заставила всѣхъ лучшихъ людей университета горячо любить и глубоко почитать его. Люди противныхъ мнѣній, не всегда разборчивые на средства въ борьбѣ,—даже и тѣ не могли не уважать его. Такъ высоко нравственна и авторитетна была личность покойнаго!

Рядомъ съ дорогими для московскаго университета именами Грановскаго, Кудрявцева, Рулье навсегда останется памятнымъ имя Соловьева. Университетъ законно считалъ его своимъ главою. Онъ обращался къ нему въ тяжелыхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ. И, не смотря на лѣта, тяжелые труды и важныя свои задачи, С. Мих. не отказывался въ такихъ случаяхъ взять на себя управленіе дѣлами университета. Преемникъ Соловьева по ректурѣ, Н. С. Тихонравовъ въ своей рѣчи прекрасно называетъ его «добрымъ страдальцемъ за свой университетъ». Какъ вы въ самомъ дѣлѣ иначе назовете человѣка, который презирая тяжесть труда и непріятности, берется за дѣло въ виду того, что оно тяжело и потому, что оно тяжело? Что имъ руководитъ въ такомъ случаѣ, какъ не благородная идея, какъ не возвышенный аскетизмъ? «Когда въ послѣдній разъ мы, разсказываетъ проф. Герье,—упрашивали его взять на себя тяжелую для него обязанность ректора, онъ, долго подумавши, сказалъ: «Господа, я принимаю, потому что это тяжело!» Какъ назвать такого человѣка, какъ не высокимъ общественнымъ дѣятелемъ, какъ не «добрымъ страдальцемъ?»

Въ виду того, что наши университеты переживаютъ теперь переходную, смутную пору, утрата такого человѣка должна быть особенно тяжела. Грусть объ утратѣ многоопытнаго наставника и мудраго, а притомъ авторитетнаго даже и по своему офиціальному положенію—руководителя не безъ причины особенно сильно звучитъ въ рѣчахъ, сказанныхъ на могилѣ покойнаго.

Драмы въ воздухѣ.

В. Фонвіеля.

I.

Пожаръ *).

Несмотря на очевидную опасность, происходящую отъ сосѣдства пламени съ оболочкой, наполненной воспламеняющимся газомъ, приходится отказываться отъ управленія шаромъ при самомъ легкомъ вѣтрѣ, если воздухоплаватели не рѣшаются рискнуть послѣдствіями близости огня и водорода.

Генрихъ Жифаръ достигъ серьезныхъ результатовъ въ управленіи воздушнымъ шаромъ только потому, что подражалъ смѣлости Жана Барта, зажигая кусокъ трута на боченкѣ съ порохомъ.

Примѣръ его не увлекъ послѣдователей, которые, подражая его воздушнымъ постройкамъ, ограничивались тѣмъ, что старались управлять громадныхъ размѣровъ воздушнымъ шаромъ съ помощію винта, приводимаго въ движеніе рукою человѣка.

Воздухоплаватели, желающіе возобновить смѣлую попытку, употребляютъ обыкновенно цѣлые годы, чтобы пустить въ воздухъ свое примѣненіе.

Эти колебанія и страхи обязаны своимъ происхожденіемъ не только трудности рѣшенія задачи, но и воспоминанію о катастрофахъ, происходившихъ въ ту эпоху, когда вновь изобрѣтенная машина Уата присуждена была къ бездѣйствію и неподвижности. Когда не могло быть не только мысли о подъятіи на воздухъ, но нельзя было и представить, что наступитъ день, въ который она будетъ пересѣкать океанъ и соперничать съ вѣтромъ своей быстротой по желѣзнымъ рельсамъ.

Въ ту эпоху изобрѣтенія первыхъ воздушныхъ шаровъ смѣлые люди, унося съ собою въ воздухъ огонь, имѣли единственною цѣлью подниматься и опускаться на своемъ воздушномъ шарѣ по желанію, чтобы держаться въ поясѣ благопріятныхъ вѣтровъ.

Знаменитый мессинецъ Пилатръ де Розьеръ, много разъ поднимавшійся на прикрѣпленномъ къ землѣ и на свободномъ шарѣ, первый задумалъ управлять имъ такъ, чтобы воздухоплаватели могли лавировать въ высотѣ, какъ моряки на поверхности океана.

Это былъ замѣчательно смѣлый естествоиспытатель. Можно сказать, что онъ привыкъ играть съ огнемъ; ему же мы обязаны удивительнымъ опытомъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы наполнять легкія водородомъ и зажигать его при выдыханіи.

Онъ взялся разрѣшить задачу управленія воздушнымъ шаромъ съ наивностью по истинѣ изумительной. Посреди своего шара Пилатръ устроилъ изъ матеріи трубу, въ которой зажигался огонь. Понятно, что при такомъ устройствѣ малѣйшая искра должна была неминуемо повлечь катастрофу.

Предпріимчивый, хотя несчастный изобрѣтатель только что успѣлъ зажечь огонь, какъ шаръ, потрясенный столь нераціональнымъ расширеніемъ, лопнулъ, едва поднявшись надъ поверхностью земли. Самъ Розьеръ погибъ при паденіи. Его помощникъ, молодой римлянинъ раздѣлилъ его участь.

Графъ Замбелари три раза повторялъ опытъ, примѣняя изобрѣтеніе Розьера.

Жизнь этого воздухоплавателя настоящій романъ, для описанія котораго недостаетъ только искуснаго историка.

Происходя изъ знатной, но раззорившейся романской семьи, Замбелари поступилъ въ военную службу и поочередно перебывалъ во многихъ арміяхъ. Во время изобрѣтенія воздушнаго шара онъ былъ въ Лондонѣ и однимъ изъ первыхъ поднялся на воздухъ вмѣстѣ съ англійскимъ адмираломъ Ветноромъ.

Затѣмъ, поступивъ на службу въ русскій флотъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ турками, отведенъ въ Константинополь и сосланъ въ каторгу для христіанъ, гдѣ пробылъ цѣлыхъ три года.

Въ цѣпяхъ у него созрѣлъ проектъ поработить вѣтры волѣ человѣка и заставить ихъ нести воздушный шаръ по направленію, указанному воздухоплавателемъ.

Размышляя о томъ, какъ бы усовершенствовать систему Розьера, Замбелари наконецъ пришелъ къ заключенію, нелишенному остроумія. Его монгольфьеръ, объемъ котораго едва достигалъ четверти обыкновеннаго воздушнаго шара для газа, имѣлъ форму усѣченнаго конуса, обращеннаго острымъ концомъ къ землѣ, находящимся прямо надъ головою воздухоплавателя.

Теплота развилась у него при помощи лампы, жаръ которой онъ могъ уменьшать по желанію, гася нѣкоторые изъ фитилей.

*) Рисунокъ, слѣдуемый къ этой статьѣ, будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ нумерѣ «Жив. Обозр.».

При такомъ устройствѣ воздухоплавательнаго аппарата, соединеніе газа съ воздухомъ было почти невозможно.

Къ несчастію, преслѣдуемый мыслью, что воздухоплаватель можетъ лавировать въ воздухѣ только на громадной высотѣ, и что постоянныя теченія скрываются въ неизвѣданной еще глубинѣ атмосферы, Замбелари вообразилъ, что онъ не можетъ питать свою лампу жидкостію, которая подобно маслу, замерзаетъ при пониженіи температуры. Онъ наполнилъ ее не петролемъ, веществомъ тогда еще неизвѣстнымъ, но алкоголемъ.

Послѣ двухъ памятныхъ, но неудачныхъ опытовъ, окончившихся и тотъ и другой паденіемъ въ Адріатическое море, Замбелари, въ присутствіи своихъ соотечественниковъ и семьи, приступаетъ къ новому опыту въ сентябрѣ 1808 года.

Но стихіи вступили въ заговоръ противъ смѣлаго воздухоплавателя. Поднимается порывистый вѣтеръ, который разрываетъ снасти. Появляются трещины, особенно въ монгольфіерѣ, что по вычисленіямъ предпріимчиваго изобрѣтателя должно увеличить силу поднятія шара на двадцать пять килограмовъ. Самый шаръ теряетъ свою непроницаемость и водородъ просачивается черезъ множество щелей.

Очевидно, что ослабленный такимъ образомъ шаръ не можетъ поднять на воздухъ Замбелари и его двухъ помощниковъ. На разрѣшеніе смѣлаго воздухоплавателя ставится вопросъ, котораго изъ двухъ помощниковъ выбрать для путешествія; и тотъ и другой одинаково преданы дѣлу, одинаково расторопны; ни тотъ, ни другой не желаетъ отказаться отъ своей доли опасности, отъ своей доли славы?

Замбелари отклоняетъ отъ себя честь сдѣлать выборъ и двое соперниковъ кидаютъ жребій. Тотъ, которому поблагопріятствовалъ случай въ этой лотереѣ, ставкой которой была жизнь, стремительно бросается въ лодку, куда уже раньше вошелъ Замбелари.

Смѣлый воздухоплаватель твердою рукой зажигаетъ лампу и даетъ знакъ къ поднятію посреди всеобщаго энтузіазма и безпокойства.

Но едва поднявшись отъ земли, шаръ всей своей тяжестью падаетъ внизъ.

Течь на столько ослабила его, что сила огня не можетъ уже поддерживать его въ воздухѣ. Тѣмъ временемъ вѣтеръ усиливается и налетаетъ шквалъ въ ту минуту, когда воздушный шаръ приближается къ землѣ.

Лодка цѣпляется за сукъ дерева. Ударъ такъ силенъ, что лампа опрокидывается. Пылающая жидкость покрываетъ путешественниковъ. Замбелари, не успѣвшій уцѣпиться за вѣтви гигантскаго оливковаго дерева, окруженъ пламенемъ.

Молодой помощникъ, загасивъ огонь, охватившій его собственную одежду, бросается къ остаткамъ горящаго шара, желая спасти своего учителя. Зрители, видѣвшіе страшное паденіе, прибѣгаютъ и въ ужасѣ толпятся на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась катастрофа.

Несчастный Замбелари, тѣло котораго представляетъ одну сплошную рану, мучится въ ужасающихъ конвульсіяхъ. Онъ умираетъ нѣсколько часовъ спустя на рукахъ жены и дѣтей, оставляя послѣ себя грустную славу.

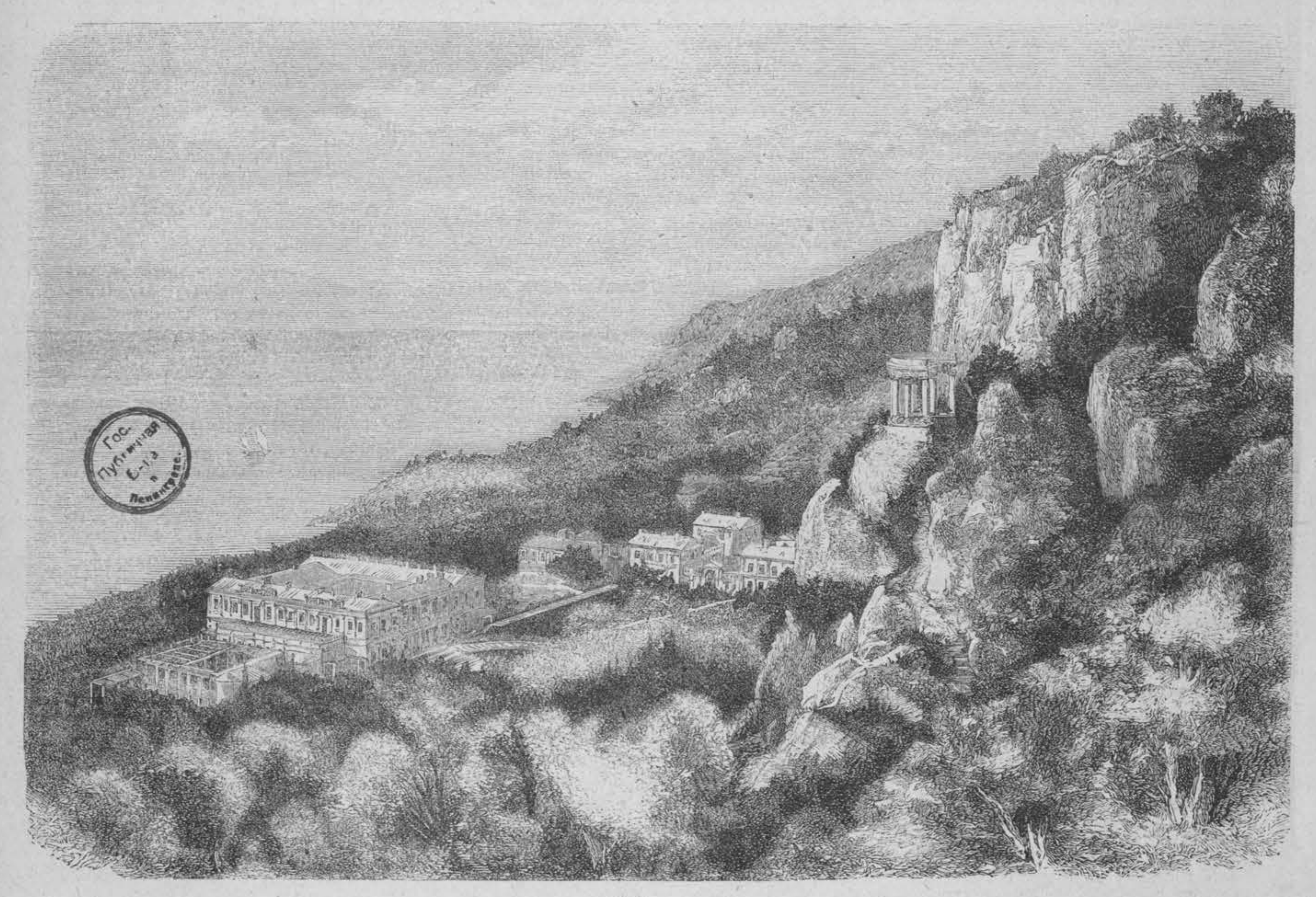
Никто не осмѣлился возобновить его опытъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Монигетти. Эрикликъ, Оріадна, Ливадія, все это прелестные дворцы высочайшихъ особъ, разбросанные въ Крыму и построенные замѣчательно даровитымъ русскимъ художникомъ-архитекторомъ Монигетти. Русское искусство вообще обязано этому художнику многими прекрасными архитектурными произведеніями, по его рисункамъ сработано очень много предметовъ въ русскомъ стилѣ; въ альбомахъ, въ кабинетахъ нашей аристократіи вы найдете много памятниковъ вкуса и даровитости этого художника. Не смотря на то, что онъ былъ въ модѣ, что ему поручались большія постройки, что онъ былъ придворнымъ архитекторомъ, на мѣстѣ Кузьмина, онъ не могъ «нажиться» и кончилъ свою жизнь слишкомъ рано и слишкомъ печально: 10 мая 1876 года, когда Ипполиту Антоновичу Монигетти было не болѣе 59 лѣтъ, онъ, послѣ двухлѣтней душевной болѣзни, умеръ въ больницѣ цесаревича Николая... Первоначальное художественное образованіе Ипполитъ Антоновичъ Монигетти получилъ въ строгановской рисовальной школѣ; это образованіе было закончено въ академіи художествъ. Во время продолжительнаго пребыванія заграницей, Иппо-

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.



Оріадна.
Рѣзалъ на деревѣ г. **Рихтеръ,** въ С.-Петербургѣ.

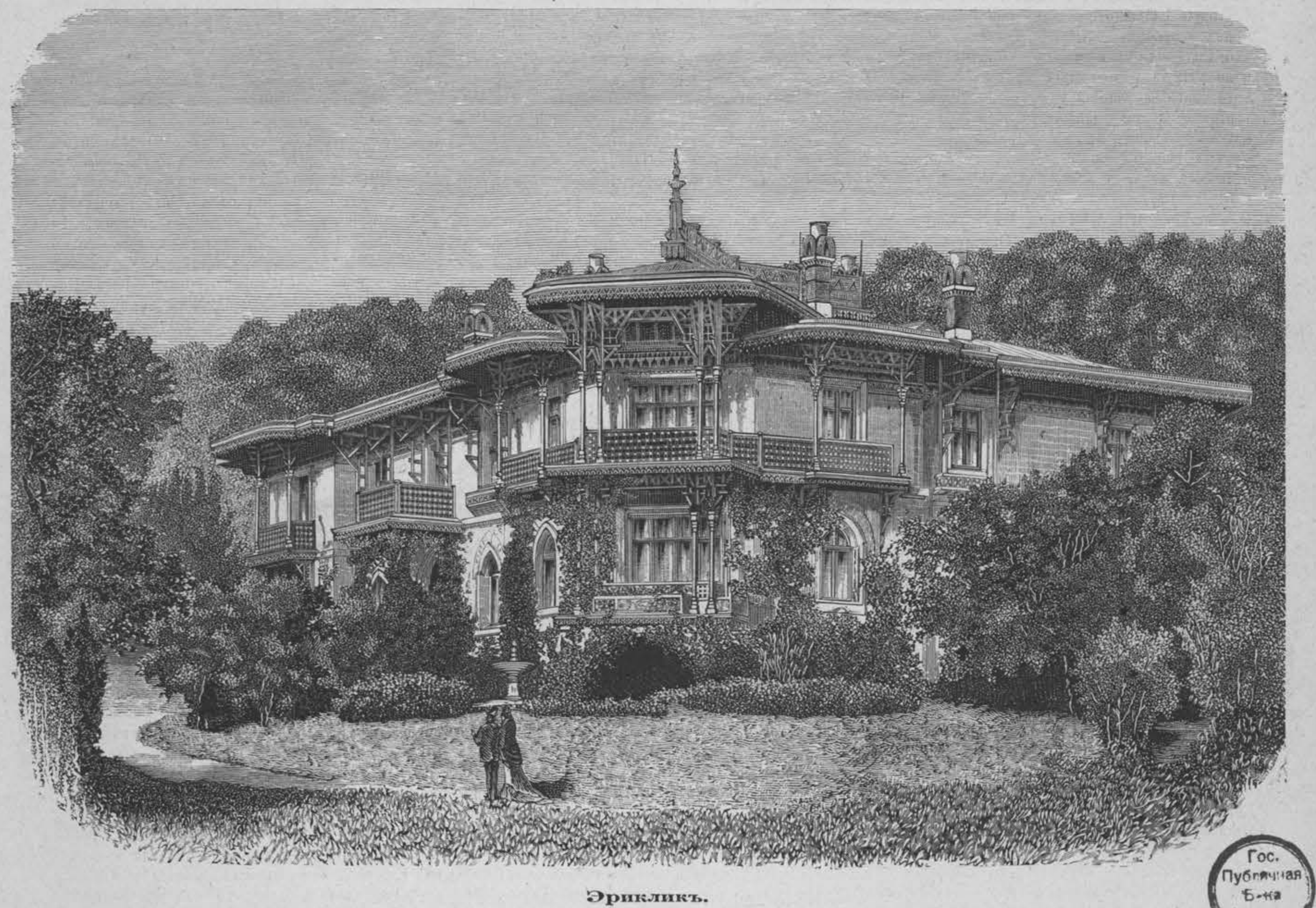
литъ Антоновичъ Монигетти развилъ окончательно свой талантъ и, вернувшись въ Россію, сталъ неутомимо работать: плодовъ этого неутомимаго тридцатилѣтняго труда осталось не мало, какъ въ Крыму, такъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Послѣднею работою Ипполита Антоновича Монигетти былъ проектъ политехническаго музея въ Москвѣ.

Возвращеніе съ работы. На послѣдней дюссельдорфской выставкѣ обращала на себя вниманіе картина Лорка «Возвращеніе съ работы». Здоровая женщина возвращается домой съ работы и спускаетъ со спины на столъ корзину; изъ этой корзины выглядываетъ прелестная мордочка малютки, которая тоже была на работѣ съ матерью; въ кухнѣ сидитъ отецъ семейства, съ любовью и лаской смотрящій на ребенка. Здоровье молодой женщины, миловидность ребенка и ласково-веселое выраженіе лица мужчины, все это дѣйствуетъ подкупающимъ образомъ на зрителя, вызывая невольно благодушную улыбку. Кромѣ того эта картина замѣчательно хорошо сработана.

Сладкій отдыхъ. Теплый лѣтній день; барская вилла вся утонула въ зелени и цвѣтахъ; воздухъ пропитанъ ароматомъ и тепломъ. На виллѣ полное затишье: господа куда-то уѣхали, осталась одна прислуга, люди разбрелись по своимъ комнатамъ, они отдыхаютъ въ этотъ зной и наслаждаются сладкимъ бездѣльемъ. Въ числѣ этой прислуги находится и лакей, обязанный смотрѣть за господскими мопсами. Онъ вывелъ собачекъ погулять къ рѣшеткѣ виллы, присѣлъ на скамью, пригрѣлся на солнцѣ—и вотъ онъ, счастливый, откормленный, безмятежный, сладко дремлетъ вмѣстѣ съ своими мопсами. Художникъ блистательно справился со своей задачей и передалъ и эту тишину знойнаго лѣтняго дня, и эту безмятежность мопсовъ и сытаго барскаго лакея, являющагося тоже своего рода особой.

У адвоката. Бенжамэнъ Вотье—это старый знакомый нашихъ читателей и намъ не приходится снова рекомендовать его, какъ талантливую личность. Его картина «У адвоката» принадлежитъ къ числу очень удачныхъ, такъ какъ экспресія лицъ этихъ стариковъ—просителя и адвоката—чрезвычайно характерна и удачна: эти люди сидятъ передъ вами, какъ живые и совѣщаются—одинъ находится въ мучительномъ невѣденіи «темнаго человѣка», другой принялъ на себя важный видъ «ученаго дѣльца». Обстановка, аксесуары, все это, какъ это и бываетъ всегда у Кнауса, у Дефреггера, у Мейссонье, у Курцбауэра, отдѣлано до мелочныхъ подробностей.

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.



Эрикликъ.

Рѣзалъ на деревѣ г. **Рихтеръ**, въ С.-Петербургѣ.

Смѣсь.

— **Замѣчательная церковь.** Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» помѣщена следующая замѣтка: «Въ городѣ Новомосковскѣ, екатеринославской губерніи, есть замѣчательная церковь, выстроенная еще запорожцами изъ дерева, безъ пособія единаго гвоздика. Нынѣ этотъ замѣчательный памятникъ уже пришелъ въ такую ветхость, что скоро совсѣмъ разрушится. Неужели же наши ученыя общества не сохранятъ о немъ памяти въ видѣ рисунковъ или хорошей модели? По преданію, эта замѣчательная церковь о девяти главахъ построена какимъ-то простымъ запорожцемъ; по виду же своему до того оригинальна, что ничего подобнаго нѣтъ во всемъ Южно-русскомъ краѣ. Въ этой церкви находится также нѣсколько замѣчательныхъ церковныхъ вещей запорожской эпохи».

— **Скупецъ.** Въ Варшавѣ недавно умеръ человѣкъ, вполнѣ олицетворявшій собою типъ Плюшкина. Его считали чрезвычайно бѣднымъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ жилъ очень бѣдно, нанималъ почти уголъ, ѣлъ обыкновенно только одинъ разъ въ сутки, обѣдъ по абонементу за 20 коп., ходилъ въ лохмотьяхъ и когда заболѣлъ, то не имѣлъ на что купить прописанное ему врачемъ лекарство. Послѣ смерти, его не въ чемъ было похоронить, кромѣ никуда негодныхъ лохмотьевъ, въ чемъ онъ ходилъ при жизни. Между тѣмъ, когда онъ умеръ, послѣ него нашли капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, который онъ, неизвѣстно для кого, такъ старательно оберегалъ, что даже на себя ничего не тратилъ. Онъ былъ холостъ и одинокъ.

— **Разъѣхались и снова съѣхались.** Нѣкто Z, женился на очень хорошенькой дѣвушкѣ. Молодые послѣ свадьбы пылали другъ къ другу огненною, африканскою страстью; но это обстоятельство и послужило причиною всѣхъ ихъ несчастій, такъ какъ г. Z оказался сущимъ Отелло. Шесть лѣтъ супружеской жизни протекли среди постоянныхъ неудовольствій и мученій; на седьмомъ году супруги хватились, что они будутъ болѣе счастливы на приличной дистанціи другъ отъ друга. Всѣ необходимыя «формальности» были совершены, и экс-супруги разстались: онъ по-

ѣхалъ въ Петербургъ, она осталась въ Харьковѣ; оба полны чувствомъ сильнѣйшей взаимной ненависти, въ которую перешла ихъ горячая любовь. Прошли два года; г-ну Z понадобилось ѣхать въ Харьковъ. Прибывъ сюда, онъ направился прямо къ своей бывшей супругѣ и, со словами: «примешь меня?» протянулъ ей руку. Двѣ недѣли, втеченіи которыхъ Z занимался здѣсь своимъ дѣломъ, протекли, какъ «единый сладкій мигъ», и супруги увидѣли, что они могутъ быть еще болѣе счастливы при условіи совмѣстнаго жительства. Z обращался ко всѣмъ харьковскимъ адвокатамъ съ вопросомъ, возможенъ-ли теперь вторичный бракъ; когда-же юристы отвѣтили отрицательно, то супруги-любовники уѣхали въ Петербургъ, презрѣвъ санкцію закона.

— **Бѣшеный волкъ.** «7-го октября, въ селеніи Барвенково, изюмскаго уѣзда, когда крестьяне сосѣднихъ поселковъ съѣхались на базаръ, и мужчины разошлись по питейнымъ домамъ торговаться и запивать могорычи, а жены съ дѣтьми остались на повозкахъ, около 7 часовъ утра, на торговой площади раздался раздирающій душу крикъ, просящій о помощи, и затѣмъ все смолкло. Сидѣвшіе въ кабакахъ выскочили на улицу и не успѣли еще придти въ себя, какъ изъ-за волостнаго правленія, находящагося на краю торговой площади, показался волкъ. Всѣ въ суматохѣ бросились къ своимъ повозкамъ съ крикомъ: «Бѣшеный волкъ!».. Между тѣмъ, огромный волкъ, съ пѣною у рта и болтающимся языкомъ, побѣжалъ прямо въ средину повозокъ. Произошло ужасное смятеніе: лошади и волы бросились въ разныя стороны, но большая часть тутъ-же, запутавшись, падала, свиньи, овцы, гуси, куры и т. п., тоже подняли крикъ. Но волкъ, не добѣжавъ 15 шаговъ до первой кучи повозокъ, повернулъ назадъ и наскочилъ на бѣжавшую женщину, и чрезъ мгновеніе она лежала распростертая на землѣ, потерявъ носъ, скулы и нижнюю часть лица. Послѣ того волкъ побѣжалъ дальше и напалъ на мальчика, лѣтъ семи, но въ это время бывшая близко свинья бросилась на волка и схватила его за хвостъ; волкъ повернулся къ свиньѣ, успѣвъ, однако, прокусить мальчику верхнюю губу и руку. Оставивъ свинью, волкъ выбѣжалъ на главную улицу, напалъ на женщину съ малюткою, потомъ на двухъ малютокъ, около четырехъ лѣтъ и, прокусивъ имъ головы до самаго мозга, побѣжалъ по улицѣ и, искусавъ еще нѣсколько человѣкъ, свернулъ къ полотну желѣзной дороги. Въ это время волостной старшина и собравшійся народъ бросились въ погоню за волкомъ, верхомъ и пѣшіе: верховые съ кнутами, а пѣшіе съ ружьями и кольями. Погоня настигла волка верстахъ въ двухъ отъ села и одинъ крестьянинъ, подпустивъ волка на разстояніе 15-ти шаговъ, выстрѣлилъ въ него въ разинутую пасть; однако, несмотря на рану, волкъ снова поднялся и бросился на крестьянина. Не потерявъ присутствіе духа, смѣльчакъ ударилъ ружьемъ волка, а такъ какъ отъ удара ружье сломалось, то волкъ уцѣлѣвшими зубами схватилъ его за бокъ; но, благодаря тому, что крестьянинъ былъ одѣтъ въ трехъ армякахъ, волкъ только оцарапалъ ему бокъ; смѣльчакъ крѣпко обнялъ руками звѣря. Во время этой борьбы человѣка съ бѣшенымъ волкомъ, подоспѣлъ народъ, однако, боялся подступиться. Тогда прискакавшій урядникъ вынулъ револьверъ и въ упоръ въ голову убилъ волка на рукахъ крестьянина. Волкъ этотъ поранилъ двадцать два человѣка, изъ нихъ опасно десять. Раненыхъ изолировали отъ здоровыхъ, и имъ тотчасъ была подана медицинская помощь. Говорятъ, что волкъ прибѣжалъ изъ села Довгенкого, отстоящаго въ 25-ти верстахъ отъ Барвенкова, гдѣ палъ бѣшеный волъ, котораго хотя закопали въ землю, но очень неглубоко, такъ что на утро многіе видѣли разнесенный его остовъ».

— **Наводненія въ Испаніи.** Телеграфъ сообщилъ извѣстіе о бѣдствіяхъ, причиненныхъ наводненіемъ въ Испаніи: приводимъ подробности объ этомъ, передаваемыя «Агентствомъ Гаваса»: «Мадридъ, 17-го октября: При наводненіи въ провинціи Мурсіи найдены 119 труповъ; четыре деревни разрушены. Тысячи семействъ въ деревняхъ требуютъ помощи. Король выѣзжаетъ, въ понедѣльникъ, въ Мурсію. Открыты общественныя подписки». Изъ Андэ телеграфируютъ тому же «Агентству», отъ 17-го октября: «Свѣдѣнія изъ Мурсіи, Аликанте и Валенсіи сообщаютъ, что наводненіе причинило значительныя бѣдствія». Съ другой стороны, газетѣ «Daily News» телеграфируютъ изъ Мадрида, отъ 17-го октября: «Во время наводненій въ Мурсіи погибли 300 человѣкъ. Король Альфонсо XII-й посѣтитъ наводненные округа во время поѣздки, которую онъ намѣренъ предпринять, чтобъ посѣтить порты Средиземнаго Моря». Газета «République Française» получила отъ редакціи мадридской газеты «Imparcial» слѣдующую телеграму: «Надъ Испаніей разразилась страшная катастрофа: самая богатая и самая населенная часть Мурсіи наводнена. Число жертвъ громадное; потери неисчислимы».

— **О бѣшенствѣ у собакъ** (замѣтка Н. Н. Ваkуловскаго). Эта страшная болѣзнь «друга» человѣка извѣстна по наслышкѣ болѣе или менѣе каждому; полагаемъ, нелишни будутъ и нѣкоторыя о ней свѣдѣнія. Пользуемся для этого главнымъ образомъ трудомъ покойнаго Унднрица. Причинами развитія у собакъ бѣшенства обыкновенно выставляютъ сильное раздраженіе ихъ, недостаточный кормъ, дурное качество пищи, а также воды и сильное утомленіе животныхъ. Особенно легко заболѣваютъ помѣси и комнатныя собаки. Обще-распространенное мнѣніе, что бѣшенство собакъ чаще всего является во время сильнаго жара и холода, мало основательно; собаки заболѣваютъ одинаково во всякое время года. Заразительное вещество заключается въ слюнѣ и крови больного животнаго и дѣйствуетъ только при прямомъ введеніи его въ кровь или на какую-либо слизистую оболочку здороваго индивидуума. Зараженіе передается главнымъ образомъ чрезъ посредство укушенія. Отъ момента укушенія до проявленія болѣзни проходитъ: у собакъ — отъ 3 дней до 3 и даже 6 мѣсяцевъ; у лошадей отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ; у рогатаго скота отъ 1 недѣли до полугода; у овецъ отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ; у кошки отъ 3 дней до 3—6 мѣсяцевъ; у человѣка отъ 8 дней и до 8—12 мѣсяцевъ. Обыкновенно же является оно у человѣка между 5 и 7 недѣлями послѣ зараженія. Различаютъ двѣ формы бѣшенства: бурную и тихую. При пораженіи первою животныя становятся живѣе, впечатлительнѣе, иногда безпокойными, иногда скучными, перемѣщаются съ мѣста на мѣсто, лижутъ холодные предметы, грызутъ, что попало. Нерѣдко подстилку свою собака сгребаетъ подъ животъ и даже кусаетъ ее. Кромѣ того проявляется стремленіе уйдти изъ дома. Убѣжавъ, животныя возвращаются чрезъ сутки и прячутся. Наклонность кусаться проявляется въ различной степени. Нѣкоторые даже бросаются на все, что движется вблизи нихъ. Иныя кусаютъ сами себя, особенно нижнія части своего тѣла или мѣста, ранѣе укушенныя другою бѣшеною собакою. Стремленіе кусаться первый, бросающійся въ глаза, припадокъ. Бѣшеныя собаки кусаютъ легче и не такъ глубоко, какъ разсерженныя здоровыя собаки и, повидимому, тотчасъ же чувствуютъ свой болѣзненный припадокъ, особенно если укусили знакомую имъ особу, потому что сжимаютъ челюсти свои очень слабо и позволяютъ тотчасъ же освободиться. Голосъ у бѣшеной собаки болѣе высокаго тембра. Манера лаять у нихъ особая; при этомъ не всегда каждый звукъ или лай слышится отдѣльно отъ прочихъ; но начавши лаемъ, онѣ продолжаютъ его одно мгновеніе, переходя потомъ въ вой и возвышая притомъ голосъ, такъ что въ цѣломъ образуется нѣчто среднее между воемъ и лаемъ. Наружный видъ бѣшеныхъ собакъ первое время ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго и только на 2-й или 3-й день становится краснѣе соединительная оболочка глаза, собака часто смыкаетъ вѣки, нерѣдко вскакиваетъ, бросается на что-то, кромѣ того она худѣетъ и шерсть у нея взъерошивается; носъ становится суше, впослѣдствіи образуется параличъ глотки, нижней челюсти и хвоста: отъ перваго животныя не могутъ глотать, такъ что слюна у нихъ течетъ изо рта, отъ послѣдняго же хвостъ опускается; иногда слабѣетъ задняя часть тѣла. Рвота рѣдка. Больныя животныя обыкновенно умираютъ на 6-й, 7-й, или 8-й день. Самое замѣчательное явленіе при тихой формѣ бѣшенства собакъ — болѣе или менѣе открытый у больныхъ ротъ съ ослабленіемъ или неполнымъ параличемъ мышцъ, оттягивающимъ челюсть кверху, и мышцъ, приводящихъ въ движеніе языкъ. Ослабленіе это наступаетъ большею частью внезапно. Однѣ собаки постоянно слабо смыкаютъ челюсти, такъ что онѣ не въ состояніи принимать твердую пищу, онѣ могутъ достать кончикомъ языка и краями губъ только незначительное количество воды. Другія, напротивъ, по временамъ могутъ еще двигать челюстями и употреблять языкъ, хотя не такъ хорошо, какъ въ здоровомъ состояніи. Слюнотеченіе еще большее, чѣмъ при бурномъ видѣ бѣшенства; стремленіе кусаться и уйдти замѣчается меньше; лай и голосъ совершенно такіе, какъ и при буйномъ бѣшенствѣ, только лаютъ онѣ меньше. Остальные симптомы при этой формѣ тѣже, что и при предъидущей. Послѣ смерти въ трупѣ встрѣчаютъ очень мало опредѣленныхъ и постоянныхъ измѣненій, почему при рѣшеніи вопроса—существовало-ли въ данномъ случаѣ бѣшенство, всегда нужно наводить справки о замѣченныхъ при жизни признакахъ бѣшенства. Леченіе бѣшенства внутренними лекарствами до сихъ поръ не сопровождалось ни малѣйшимъ успѣхомъ. Единственное средство — немедленное удаленіе яда изъ раны посредствомъ вымыванія и выжиганія ея сильно-ѣдкими веществами (ѣдкій кали, чистая карболовая кислота) или каленымъ желѣзомъ. Хорошо также вырѣзать укушенное мѣсто съ послѣдовательнымъ прижиганіемъ. Наконецъ, употребляются и паровыя ванны; но и рѣшительныя средства въ этомъ случаѣ не всегда достигаютъ цѣли.

— **Обязательное воспитаніе въ Англіи** не вездѣ встрѣчается съ сочувствіемъ. Въ одномъ мѣстечкѣ на югѣ отъ Лондона учителю школы, въ которую родители обязаны были посылать дѣтей, пришлось прибѣгнуть къ весьма оригинальному способу, чтобъ наполнить учениками пустыя скамейки школьной залы. Прождавши напрасно появленія учениковъ, учитель обошелъ всѣ дома, спрашивая, почему никто не идетъ въ школу? Вездѣ ему отвѣчали, что дѣтей нѣтъ.

Тогда онъ придумалъ слѣдующую штуку: взялъ четырехъ обезьянъ, разрядилъ ихъ въ блестящіе костюмы, посадилъ въ тележки, разукрашенныя цвѣтами и лентами, и началъ возить ихъ по городу. Дѣти, одинъ за другимъ, бросились смотрѣть на эту процесію и толпами побѣжали за тележкой. К гда же, наконецъ, тележка остановилась за городомъ, можно было навѣрное сказать, что все малолѣтнее населеніе мѣстечка тутъ на лицо. Учитель пригласилъ ихъ полюбоваться театромъ маріонетокъ, подчивалъ сладкими пирожками и чаемъ, устраивалъ съ ними разныя игры. Ничего не подозрѣвавшіе ребятишки веселились на пропалую и безъ малѣйшаго опасенія отвѣчали на разспросы г-на распорядителя праздника, который ласково освѣдомлялся у каждаго изъ нихъ, гдѣ онъ живетъ и кто его родители. Праздникъ кончился также пріятно, какъ и начался. Дѣти разбѣжались по домамъ, а учитель самодовольно потиралъ себѣ руки—хитрость его удалась, какъ нельзя лучше. На слѣдующій день «бездѣтные родители» были приговорены къ штрафу, которымъ покрылись издержки на обезьянъ, угощеніе и прочее, а въ школу поступило около двухъ сотъ учениковъ.

— **Новые опыты съ телефономъ.** Со времени изобрѣтенія телефона инструментъ этотъ подвергся многимъ усовершенствованіямъ. Попытки соединить звуковымъ телефономъ Лондонъ съ мѣстечкомъ, отдаленнымъ отъ этого города на 120 миль, увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Звуки ясно и отчетливо слышатся не только тогда, когда приближаешь ухо къ слуховому отверстію, но также и въ остальныхъ частяхъ комнаты; для этого стоитъ только передавателю говорить громкимъ голосомъ. Если же получатель желаетъ одинъ слышать говорящаго, ему стоитъ только предупредить его, чтобъ онъ говорилъ

съ нимъ шепотомъ, а самому приблизить ухо къ отверстію. Въ Америкѣ телефонныя сообщенія устроены очень удобно и болѣе 26,000 апаратовъ въ ходу. Можно надѣяться, что въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Чикаго телефоны въ скоромъ времени совершенно вытѣснятъ телеграфъ прежняго устройства. Въ Чикаго болѣе 2,000 абонентовъ пользуются уже этимъ средствомъ сообщенія и готовятся новыя линіи для новыхъ абонентовъ. Здѣсь существуетъ нѣсколько центральныхъ станцій, сообщающихся между собою; отъ каждой изъ нихъ проведены сотни проволокъ въ разные дома и квартиры. Когда абонентъ А желаетъ говорить съ абонентомъ Б, ему стоитъ только зазвонить въ колокольчикъ на ближайшей станціи; сигналъ этотъ привлекаетъ вниманіе дежурнаго чиновника, который посредствомъ небольшого прибора немедленно соединяетъ проволоки А съ проволокой Б и такимъ образомъ доставляетъ имъ возможность переговариваться между собою также удобно, какъ будто они въ одной комнатѣ.

— Ребенокъ въ отца. Баронъ X уже старъ, у него большая лысина и недостаетъ многихъ зубовъ. Жена его швейцара показываетъ ему своего новорожденнаго:

— Посмотрите, баронъ, какъ онъ на васъ похожъ, чудо!

— Неужели?

— Ужасно похожъ, такой же беззубый и безволосый, какъ вы!

— Что такое философъ? Когда знаменитому д'Аламберу, одному изъ замѣчательнѣйшихъ математиковъ и философовъ восемнадцатаго столѣтія, было двадцать три года, онъ жилъ у своей прежней няньки, жены мастерового. Добрая женщина приходила въ отчаяніе отъ страсти своего бывшаго воспитанника къ умственнымъ занятіямъ и отъ равнодушія, которое онъ выказывалъ къ посѣщеніямъ знатныхъ родственниковъ.

— Охъ! простонала она однажды, внося обѣдъ въ комнату молодого человѣка, углубленнаго въ занятія.—Изъ васъ никогда ничего путнаго не выйдетъ, помяните мое слово. Ужь быть вамъ философомъ!

— А что такое философъ? спросилъ онъ у нея съ улыбкой.

— Это глупецъ, который не только всю жизнь себя мучаетъ, да и послѣ смерти заставляетъ объ себѣ много говорить.

— Для чего у нѣкоторыхъ людей голова на плечахъ. Эй ты! кричитъ унтеръ офицеръ на рекрута,—будь же повнимательнѣе, для чего только у тебя голова на плечахъ, скажи на милость!

— Да чтобъ галстукъ не сползалъ, отвѣчаетъ рекрутъ.

— Курьезная фамилія. Недавно въ Ольмюцскомъ театрѣ выступила съ большимъ успѣхомъ въ роли Зибеля, въ «Фаустѣ» Гуно, молодая дѣвушка, обладающая выразительной наружностью и хорошей школой, но съ фамиліей, крайне смѣшной для насъ, русскихъ. Ее зовутъ фрейленъ Ивановна.

— Ловля жемчуга въ Персидскомъ заливѣ. Около пяти тысячъ лодокъ въ годъ заняты этой ловлей. Она начинается во второй половинѣ іюля и кончается въ сентябрѣ. На каждомъ суднѣ отъ десяти до тридцати человѣкъ. Добыча дѣлится на 10 частей: капитанъ получаетъ 2 части, водолазы—3, люди, держащіе веревки водолазовъ и вытаскивающіе ихъ — 2 части, а остальные три части дѣлятся между прочимъ персоналомъ лодки.

Капиталистамъ удалось и эту отрасль промышленности захватить въ свои руки. Торговцы жемчугомъ и агенты ихъ наживаютъ сто процентовъ не только на добычѣ, но также и на продовольствіи, доставляемомъ рыбакамъ. Обыкновенно случается такъ, что водолазы и помощники ихъ требуютъ выдачи имъ денегъ впередъ на наемъ лодки, а также на содержаніе ихъ семействъ и, такимъ образомъ, втягиваются въ долги, которые должны уплачивать своимъ трудомъ уже за ту цѣну, которую заблагоразсудится назначить ихъ заимодавцами.

Лучшія жемчужины ловятся въ глубокой водѣ, которая въ началѣ іюля такъ еще холодна, что самый лучшій водолазъ не въ силахъ нырять въ нее болѣе двухъ разъ въ день. Къ концу же ловли вода дѣлается теплѣе и нырять можно до пятнадцати разъ въ день. Шейхъ Барейна получаетъ въ своихъ владѣніяхъ подать въ одинъ доларъ съ каждаго водолаза и съ каждаго помощника, что составляетъ доходъ въ 50,000 доларовъ. Такихъ же размѣровъ подать взимается и въ другихъ мѣстахъ. Англійское правительство приняло недавно строгія мѣры противъ постоянныхъ кровавыхъ распрей, возникающихъ между добывателями жемчуга за нарушеніе границъ мѣстности, предоставляемой каждому изъ нихъ для ловли. Благодаря этимъ мѣрамъ, теперь въ этомъ отношеніи водворяется извѣстнаго рода порядокъ. Англійскія канонирки исполняютъ полицейскую службу и всякое недоразумѣніе подвергается разбирательству англійскаго намѣстника. Лучшія жемчужины отправляются въ Бомбей или въ Багдадъ, а оттуда въ Европу; мелкія же и тусклыя оставляютъ на мѣстѣ. На Востокѣ мелкими жемчужинами вышиваютъ разныя принадлежности костюма, а также употребляютъ въ медицинѣ, какъ подкрѣпляющее средство. По всей вѣроятности, вѣра въ чудесное свойство жемчуга заставила Клеопатру распустить жемчужину въ томъ напиткѣ, который она поднесла Антонію.

— Новый сурогатъ кофе. Недавно открыли, что примѣшанный къ кофе порошокъ изъ поджаренныхъ сѣмянъ подсолнечника не только замѣняетъ цикорій, но также, въ чемъ легко убѣдиться каждому, много пріятнѣе на вкусъ этого послѣдняго. Это недурно замѣтить деревенскимъ жителямъ, гдѣ сѣмена подсолнечника находятся подъ рукой и очень дешевы.

— Блуждающій лѣсъ. У подножія одной изъ Савойскихъ горъ протекаетъ рѣка Изеръ. Отъ частыхъ дождей рѣка эта стала выходить изъ береговъ и, затопляя почву подъ лѣсомъ, которымъ обросла нижняя часть горы, заставляетъ этотъ лѣсъ спускаться съ горы и приближаться къ деревушкѣ, расположенной у ея подножія. Деревушкѣ грозитъ такая явная опасность быть заваленной надвигающимися на нее деревьями, что правительство распорядилось выселить ея жителей въ другое мѣсто.

— Вліяніе сотрясеній мозга на память. Французскіе журналы разсказываютъ интересный психологическій фактъ. Одинъ парижскій живописецъ отправился въ гости къ пріятелю, живущему въ другомъ городѣ. Онъ вышелъ тамъ на балконъ, помѣщавшійся во второмъ этажѣ, потерялъ равновѣсіе и упалъ. Паденіе было такъ удачно, что не причинило ему никакихъ важнѣйшихъ поврежденій: онъ самъ поднялся на ноги и, по виду, казался совершенно здоровымъ. Вскорѣ обнаружилось, однако, какія печальныя послѣдствія повлекло за собою испытанное имъ сотрясеніе мозга; живописецъ «забылъ» не только имя своего друга, но даже имена своей жены и своихъ дѣтей. Подобнаго рода случаи наблюдались уже не одинъ разъ. Д-ръ Сольгеръ, извѣстный писатель и лингвистъ, жившій постоянно въ Америкѣ, упалъ во время прогулки съ лошади и ударился головой о камень. Послѣдствіемъ испытаннаго имъ сотрясенія было то, что онъ внезапно совершенно «забылъ» французскій и англійскій языки, на которыхъ обыкновенно говорилъ со своею женой—она была француженка—и дѣтьми. До самой смерти, Сольгеръ могъ изъясняться послѣ этого случая только по-нѣмецки, а съ домашними принужденъ былъ говорить посредствомъ переводчика. Въ одинъ изъ лондонскихъ госпиталей принесли рабочаго, прожившаго въ Англіи большую часть своей жизни, но бельгійца родомъ. Онъ получилъ ударъ по головѣ, и съ этой минуты совершенно разучился говорить по-англійски, но взамѣнъ онъ сталъ опять говорить на фламандскомъ языкѣ, который совсѣмъ было уже забылъ, и на которомъ когда-то говаривалъ въ дѣтствѣ.

— Сфигмофонъ. Докторъ Ричардсонъ недавно изобрѣлъ новый инструментъ, сфигмофонъ, служащій для превращенія движенія артеріальнаго пульса въ громкіе звуки. Когда этотъ инструментъ въ дѣйствіи, изъ телефона выходятъ три звука—одинъ длинный и два короткихъ. Пульсъ говоритъ черезъ телефонъ такъ громко, что при употребленіи двухъ элементовъ батареи, звуки его могутъ быть слышны для аудиторіи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Если удлинить проволоки телефона, то врачъ, находящійся въ своемъ кабинетѣ или пріемной, можетъ выслушивать звуки сердца или пульса больного, лежащаго въ постели за милю или двѣ отъ квартиры врача.

— Паровое отопленіе въ Америкѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Америки съ 1877 года практикуется новая система пароваго отопленія. Топка не производится отдѣльно для каждаго дома; сразу отапливается нѣсколько домовъ одного квартала посредствомъ общаго для всѣхъ паровика; отъ центральнаго паровика, утвержденнаго глубока подъ землею, проведены тепловодныя трубы, равномѣрно распространяющія тепло по всѣмъ даннымъ направленіямъ. Первый опытъ подобнаго отопленія былъ сдѣланъ въ Буффало. 5 большихъ домовъ и одно зданіе общественной школы сразу стали отапливаться однимъ общимъ паровикомъ,—и опытъ вполнѣ удался. Многіе изъ сосѣднихъ городовъ послѣдовали этому примѣру; результаты всюду оказывались удовлетворительными и наконецъ въ Нью-Іоркѣ образовалась компанія въ видахъ снабженія города теплопроводными трубами для центральнаго пароваго отопленія.

— Эластическое стекло. Изобрѣтеніе эластическаго стекла принадлежитъ де-ля-Басти. Опыты съ этимъ стекломъ, произведенные на станціи желѣзной дороги въ Понденѣ, дали самые удовлетворительные результаты. Стекло деля-Басти толщиною не болѣе трехъ милиметровъ и противостоитъ удару тяжести во сто грамовъ съ высоты болѣе пяти метровъ. Брошенное съ силою на землю, оно отскакиваетъ отъ нея совершенно цѣлымъ и издаетъ при этомъ металическій звукъ; въ довершеніе всего, стекло это выдерживаетъ самый сильный калильный жаръ. Изобрѣтеніе это, вѣроятно, будетъ имѣть самое разнообразное примѣненіе въ промышленности. Не малое значеніе будетъ оно имѣть и въ домашнемъ хозяйствѣ, замѣнивъ собою съ успѣхомъ мѣдную и желѣзную посуду.

Самовозгараемость чернаго шелка. Въ вѣнской таможнѣ за послѣднее время было нѣсколько случаевъ самовоспламененія шелка, окрашеннаго въ черный цвѣтъ; было замѣчено, что явленіе это происходитъ чаще всего тогда, когда тюки шелку слишкомъ туго запакованы. Таможенное управленіе предложило принять надлежащія мѣры для устраненія подобныхъ случаевъ.

— Крупный богачъ. По словамъ «Politiche Correspondenz» въ Венгріи еще есть замѣчательные богачи. Напримѣръ, графъ Георгъ Кароли, недавно умершій, оставилъ состояніе, о размѣрахъ котораго можно судить по цифрѣ казенной пошлины съ наслѣдства, уплачиваемой наслѣдниками; пошлина эта простирается до одного милиона ста тысячъ флориновъ. Колекція пенковыхъ трубокъ, оставленная покойнымъ графомъ, оцѣнена въ 11,000 флориновъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 41-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 13-го октября въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 14-го октября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

О подпискѣ на **1880** годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
Литературы, Наукъ и Искуствъ

„ОГОНЕКЪ",

съ безплатными художественными приложеніями.

52 нумера въ годъ.

Программа «Огонька»: 1) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ). 2) Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ). 3) Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет.). 4) Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: естествознанія, археологіи, географіи, медицины, механики и т. д., и искуствъ: скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и т. д. Библіографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній). 5) Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п. 6) Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи. 7) Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ. 8) Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ **«Огонька»** (22 тысячи подписчиковъ) въ первый же годъ изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому **«Огонекъ»** обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ **«Огонькѣ»** принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Авсѣенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, Д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корніевскій (псевд.), К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, Гр. Е. А. Саліасъ, К. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ, А. Фетъ, и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ въ 1880 г. съ первыхъ нумеровъ редакція начнетъ печатать: **«Масоны»**, романъ въ 5 част. А. Ѳ. Писемскаго, и **«Лихо»**, историческая повѣсть Д. В. Аверкіева.

Годовая цѣна **«Огонька»**: безъ доставки **4** руб; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города Россіи **5** руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала **«Огонекъ»**, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала «Огонекъ» **Н. П. Аловертъ.**
Издатель журнала «Огонекъ» **Г. Д. Гоппе.**

О подпискѣ на 1880 годъ на

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

самый полный, и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 года «Модный Свѣтъ» начнетъ XIII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «Модный Свѣтъ» въ 1880 году будетъ выходить также въ **ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ** въ количествѣ **48** нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе **2,000** политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе **300** выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную велич.

24 (или 12 для 1-го изданія) модныхъ, раскрашенныхъ, парижскихъ картинки для II изданія, исполненныя лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ», съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ **«Модный Свѣтъ»** имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію **«МОДНАГО СВѢТА»** на **1880** годъ:

= I изданію, съ 12 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки — 4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ — 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — 6 р.

= II изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки — 5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ — 6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — 7 р.

= III изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками, 12 раскрашенными акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки — 7 р.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ — 8 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

= Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 р; II-му изданію 6 р. 50 к.; III-му изданію 8 р 50 к; съ пересылкою I-му изданію 6 руб., II-му изданію — 7 р., III-му изданію 9 руб.

Издатель «Моднаго Свѣта» **Германъ Гоппе.**

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16.

О ПОДПИСКѢ НА **1880** ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ"

Большой иллюстрированный журналъ

съ разными безплатными приложеніями.

Съ 1-го января 1880 г. журналъ **„Всемірная Иллюстрація"** начнетъ XII годъ (т. е. томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойнаго листа самой лучшей бумаги и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемірная Иллюстрація", благодаря своей аккуратности и строгому выполненію програмы, пріобрѣла втеченіи одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція «Всемірной Иллюстраціи» стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишнимъ всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возростающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію **„Всемірной Иллюстраціи"** на 1880 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	13 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ	14 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города	16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искуства, и пр., и пр.; однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„Всемірной Иллюстраціи",

изъ англ. каленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки **1** р. **75** к., съ пересылкою **2** р. **50** к.

Цѣна первыхъ 20 томовъ „Всемірной Иллюстраціи":

1869 г. (томы I и II) **10** р. безъ перес., въ англ. каленкор. перепл. **14** р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по **8** р. безъ пересылки; каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по **12** р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній) по **9** р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по **13** р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи **„Всемірной Иллюстраціи"** въ С.-Петербургѣ, Бол. Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемірной Иллюстраціи» **Германъ Гоппе.**

Поступилъ въ продажу:

„СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ",

содержащій въ себѣ свѣдѣнія по сельскому хозяйству, садоводству, цвѣтоводству и огородничеству, по опредѣленію дѣтей въ учебныя заведенія, леченію болѣзней (до 125) домашними средствами, законы о духовенствѣ, програмы учительскихъ экзаменовъ, образцы и формы договоровъ, прошеній и др. свѣдѣнія. Цѣна «Сборнику» одинъ рубль, на перес. 18 к. Выписывающіе три и болѣе экземпляровъ за перес. не платятъ. Съ требованіями обращаться: въ гор. Казань, въ Императорское Экономическое Общество, на имя члена Дмитрія Александровича Соколовскаго.

Объ изданіи въ 1880 году журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи имѣются на 1880 г.: Повѣсть **П. Д. Боборыкина;** «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ **Н. И. Северина;** стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ», **Б. Левина** (съ иллюстраціями); **Стефенъ Митчель**, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура;** «Изъ міра русскаго искуства», рядъ статей **Диллетанта;** Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго;** «Народы европейской Россіи **С. С. Шашкова;** рядъ статей **Н. В. Шелгунова** и др.

ПРЕМІИ: 1 и 2) **Двѣ олеографическія картины**—«Малороссіянка», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго;**—картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. 3) **Большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова**, «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ 4) **Литературная**, съ иллюстраціями.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой	**7** р.	**4** р.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близъ Невскаго проспекта), д. № 6.**

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 19 Октября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)